

Глава VIII. НОЯБРЬ 1919 – ЯНВАРЬ 1920

Тем временем, по заданию штаба, группа Ващенко заняла г. Николаев и, простояв два дня, вышла на Херсон, который 9-го ноября атаковала. Она уже занимала графский сад и ружейным огнем обстреливала центр города, буржуазия бежала на пароход «Георгий». Но подошел миноносец «Жаркий» и огнем орудий отогнал Ващенко.

Вечером 10-го ноября 1919 г. с 1-й кавбригадой и 1-ым Екатеринославским полком я прибыл в Суреко-Литовское, где находились 13-й стрелковый полк, Реввоенсовет и Махно. Остальные учреждения и управления сосредоточились вместе со штабом в с. Соленькое и в районе Хортица – Никополь. В доме священника, где помещался штаб 13-го полка, устроили заседание комсостава и распределили роли по занятию Екатеринослава.

Решили, что город занимает: 13-й пехотной и 4-й (до 6 000 штыков) сводной стрелковой дивизиями, при дивизионе артиллерии (12 пушек, из которых 4 английские пушки составляли английскую батарею), 50-ти пулеметах и бригадой губернской стражи (700 штыков, 25 пулеметов и батарея артиллерии).

Силы противника: прибывшая из Курска шуруповая бригада чеченцев, влитая в 1-ю Туземную дивизию, сосредоточилась в с. Лоцмано-Каменка, общей численностью в 5 000 сабель при 50 пулеметах и дивизионе артиллерии (16 пушек).

Наши силы не превышали белых: 13-й стрелковый полк — 4 000 стрелков, при 4-х пушечной батарее и 25-ти пулеметах, 1-й Екатеринославский полк — 5 000 стрелков, 32 пулемета и 2-х пушечная батарея; 1-я кавбригада Петренко — 3 000 сабель, 30 пулеметов и одна горная батарея и, наконец, штабная сотня кавалерии.

План нападения состоял в ночном подходе нашей пехоты к городу, а кавалерии на Лоцмано-Каменку. 1-й Екатеринославский полк, с выходом на Сухачевскую дорогу, должен действовать на фабричный район и вокзал со стороны Диевки: 13-й полк — по Сурско-Литовской дороге на центр города; кавалерия действует непосредственно на центр расположения 1-й Туземной дивизии. Подход частей к городу должен быть закончен к двум часам утра 11 ноября. Части вышли из Сурско-Литовского в 9 часов вечера. Пехоту сопровождала полковая разведка. С кавбригадой и штабной сотней вышел Махно.

Дорога была скверная: грязь, туман и непрекращающийся дождь. В трех верстах от места действия мы сняли полевую заставу противника. Время было около 11 часов ночи, когда мы подошли к одному хутору, стоявшему от с. Лоцмано-Каменки не далее полутора верст. Чтоб не сорвать общего плана операции, надо было повременить до трех часов утра. Было

решено использовать этот хутор и до налета добыть свежий «язык». Махно с бригадой остался в хуторе, выставив охрану и разведку южной части села. Я с штабной сотней и 7-ю «Люисами» отправился наблюдать северную и западную часть вытянутого по Днепру села. Повторяю, была темная дождливая ночь. Мы подошли к огородам, сбегавшим по крутому берегу во дворы. Днепр таинственно и холодно шептался в волнах, на улицах происходило какое-то непонятное шуршание и глухой стук колес. Оставив на обрывистом спуске к селу сотню и захватив лишь десять кавалеристов и три «Люиса», я осторожно спустился по переулку с глубокими промоинами к главной улице, выходящей на Екатеринослав. Посланный в одну из хат кавалерист не заставил себя долго ждать. Он явился в сопровождении старика — местного жителя, со слов которого мы узнали, что в селе много чеченцев, артиллерии и обозов, что вчера арестовано все мужское население в возрасте от 18 до 40 лет и угнано в Екатеринослав и, наконец, что только и слышно от чеченцев: Махно, Махно; с этими словами они несколько минут назад оставили квартиры и уехали на площадь. Старик утверждал, что чеченцы очень боятся махновцев. Отпустив старика, мы спустились на главную улицу — угол соединения двух улиц. Шум, топот и лязгание оружия все приближался. Сердце сильнее застучало тревогой, когда мы в десяти шагах увидели движущуюся вооруженную массу подвод и кавалеристов: все они ехали на нас.

Такие моменты надолго остаются в памяти, но решение приходит не сразу. Из двух улиц вооруженная лавина продолжала движение. Что нам, четырнадцати человекам, оставалось делать? Мелькнула мысль — убежать к сотне? Нагонят! Раствориться в среде противника?! — Узнают! Остановить движение огнем? Все равно насядут! Инстинкт самосохранения заложен в каждом живом существе. В мгновения опасности, когда рассудок теряет равновесие и блуждает произвольно нерв страха, берет верх инстинкт, который и руководит человеком. Точно так было с нами. Не знаю почему, но навстречу движущейся лаве противника я крикнул: «Остановись! Какая часть? Где командир?» Что это был противник, конечно, не было сомнений. Напряжение, которое было у нас, начало разряжаться. Какой-то чеченский офицер отдал команду и движение по главной улице остановилось. В голове колонны, выходявшей по другой улице на главную, послышалась команда на русском языке: «Остановись!» Тот же голос назвал артиллерийский кавказский дивизион, которым он, видимо, командовал. На мой вопрос, кто отдал распоряжение отступить, он ответил, что начдив Туземной. Произошла заминка. Напряжение достигло своего апогея, мы не знали, что именно надо было предпринять. Рука скользнула за маузером. В глубине противника, кто-то сильным басом кричал на передних: «Что стали, двигайся!» В это время как-то невольно, судорожно спустился курок: раздался выстрел, кто-то вскрикнул. Передние ряды замешались, завывали, крича: «Стой, не стреляй, свои!». Но напряжение нашло выход. Три стрелка, до того следившие за событиями, пустили очереди. Сотня открыла по селу беспорядочный огонь. Колонны противника шарахнули назад, сбивая друг друга и опрокидывая орудия и подводы. Чеченцы загалдели, а мы, стоя посреди улицы, в упор расстреливали противника, уходившего в большом беспорядке в глубину села двумя улицами. Шум удалялся. Было слышно, как в 10 шагах стонали раненые, да лошади подвернув орудия и подводы, опрокинувшись в промоины, барахтались в этом месиве.

Шум удалялся на площадь, стрельба прекратилась и как-то было жутко и неприятно на сердце. Мы подъехали к стонам. Не буду смущать вас картиной, какая открылась глазам из темноты ночи, не буду волновать виденным тогда у загат, у ворот, посреди улицы — это

была картина сплошного ужаса, где кони и люди в судорогах барахтались в крови и грязи. Жертв было много...

Из соседних хат нами были выгнаны жильцы для оказания помощи раненым.

Поднимаясь к сотне и вслушиваясь в темноту ночи, я мысленно анализировал все случившееся. Вдруг затрещал пулемет именно в том месте, где с площади дорога идет на Сурско-Литовское. Мысль, что чеченцы ушли нам в тыл, быстро пронеслась в воображении, и я решил предупредить события. Подобрал сотню, мы двинулись на хутор, где стоял с 1-й кавбригадой Махно. Пулемет продолжал работать. Мы, отъехав полверсты от места действия, развернувшись, дали несколько очередей и залпов по селу и площади. Тот пулемет, который будил мое любопытство, почему-то умолк. До нас доносились отрывочные крики и глухой шум, удалявшийся к Днепру, в сторону Старых Кайдак.

Все смолкло. Приехали к бригаде часа в два ночи. Штаб дремал, Махно, не раздеваясь, спал. Одновременно с нами прибыло донесение от разъезда, который сообщал, что пулеметным огнем он остановил попытку чеченцев выйти из села на Сурско-Литовское, где чеченцы, что предпринимают, разъезд не сообщал.

Вскоре мы двинулись всей бригадой на село. В это время ахнуло орудие в Екатеринославе, за ним другое, третье и уже не смолкало до самого рассвета.

Чем дальше мы углублялись в село Лоцмано-Каменку, тем очевиднее была картина самоуничтожения 1-й Туземной дивизии, той дивизии, которая в июне брала Екатеринослав, Павлоград и Харьков, а позже — Курск, Орел. К Днепру по огородам бежали отдельные группы чеченцев с лошадьми в поводу. Такие же группы виднелись на острове Становом, успевшие переплыть на лошадях рукав старого Днепра. Иные, переполнив лодки, плыли на другой берег Днепра или бросались в холодный Днепр и, доплыв до середины, тонули. Но большинство засело в затонах, поросших камышом. На окрик: «Выходи!» — они не реагировали, в ответ со стороны отдельных махновцев следовали выстрелы, после которых с поднятыми руками сдающиеся в плен выходили из камышей. В общем, Туземная дивизия потеряла всю свою материальную часть и процентов 85 людского и до ста конного состава. Всего их было до 25 000 человек и более 4 000 лошадей. Успело переправиться на другой берег не более 500–700 человек, остальные погибли в Днепре, расстреляны в камышах. Среди пленных были офицеры, средний и низший комсостав, которых тут же на глазах у пленных расстреливали по распоряжению Махно. Все остальные пленные были обезоружены и после нескольких митингов, спустя недели полторы, были переправлены на Нижнеднепровск, где, отказавшись воевать с махновцами, уехали на Синельниково, а 12 декабря, не подчинившись новым командирам и подбивая своих следовать их примеру, погрузились в поезда и отправились на Кавказ.

В шесть часов утра, оставив эскадрон в Лоцмано-Каменке для присмотра пленных и сбора трофеев, мы подходили к Екатеринославу. Бой не затихал. В фабричной части города и на вокзале отдельные группы противника оказывали ожесточенное сопротивление, стараясь пробиться на мост. Артиллерия между собой соперничала, избрав Днепровский мост предметом своего действия. На улицах валялись трупы защитников города: особенно

обильно они усеяли проспект, улицы фабричного района и набережную у моста. 1-й Екатеринославский полк перехватил мост и сейчас расстреливал противника, стремящегося прорваться к мосту. Первая кавбригада так же была брошена в бой, в котором сыграла не последнюю роль.

К семи часам утра 11 ноября Екатеринослав был окончательно освобожден нашими частями. 4-я стрелковая дивизия и бригада стражи, защищая город, потеряли в ночном бою до 400 человек убитыми, до 1 000 пленными и до 2 000 разбежавшихся и укrywшихся у местных жителей; остальная часть все-таки успела переправиться через Днепр на Нижнеднепровск.

12 ноября 1919 г. штормом был издан оперативный приказ, в котором точно указывалась настоящая боевая линия и стратегическая, которая намечалась к занятию нашими частями при первой возможности.

Все отряды и группы, действовавшие между реальной и стратегической линиями должны были войти в состав корпуса, который стремится именно в этом направлении. Кроме того, шторм выделил из своего резерва несколько отрядов для рейдов в районе Бердянска, Мариуполя, Гуляйполя, Волновахи и Павлограда. Некоторые линейные полки и бригады, сформированные управлением (отделом штаба махновцев) с 5 октября были переданы в распоряжение начальника снабжения армии для производства заготовки топлива в районе Днепровских плавней, от с. Беленького до Ново-Воронцовки. Эти рабочие части подчинялись непосредственно строевому управлению и составляли особый род рабочего войска, вместе с обозными войсками. Дрова особенно были необходимы для приведения в нормальное состояние железных дорог, занятых нашей армией, ибо станции и города абсолютно не имели угля. Тем более, что на линии Кичкас – Никополь – Апостолово в эшелонах сосредоточивалось все снабжение и бронесредства. Их надо было двинуть по железной дороге на Кривой Рог, Новый Буг, Верховцево, Верхнеднепровск и Екатеринослав.

В ночь на 17-е ноября ударная группа Петренко, переправившись через Днепр, была брошена на с. Каменку и Нижнеднепровск, которые и заняла. Но к обеду, преследуемые тремя бронепоездами и конницей противника они отошли в Екатеринослав. Бронепоезда неприятеля настолько были нахальны, что на плечах Петренко ворвались на ст. Екатеринослав. Второпях штормом было отдано распоряжение взорвать железнодорожный мост, что и было исполнено Чубенко и Бурымой[750] под градом пуль 19 ноября. Мост был взорван по ошибке, без надлежащего мотива.

17 ноября, когда Красная Армия занимала г. Курск, а Буденный разбил южнее Касторной конную группу (3 000 сабель) белых, в Корсунском районе «Киевская группа» Рябонова и Калюжного заняла г. Ставище и Канев, уничтожая и тесня назначительные силы генерала Драгомирова на Володарку. Ващенко удерживал за собой район севернее Херсона и Николаева: Новую Одессу, Заселье, Снегиревку, Березнеговатое и Привольное. Группа Матяжа заняла станцию Пятихатки.

К этому времени, в районе Чигирина, Блакитный успел сформироваться и выступил на ст. Знаменку, которую и занял 20-го ноября, оттеснив на Александрию незначительный гарнизон Слащева. Свою группу он назвал «республиканскими войсками», чем огорчил

штарм. Махно злился на меня за то, что я в свое время снабдил Блакитного вооружением, при условии, что он непосредственно будет подчиняться штарму. Махно не хотел понять политику штарма — использовать против Деникина недовольные оппозиционные элементы, к каким бы они партиям ни принадлежали. В это время в штарме был Юрко Тютюнник с некоторыми представителями левых эсеров, входивших в состав Р. В. Совета Унэровской армии. Они упрашивали дать им партию оружия для непосредственного формирования отрядов в Киевском районе.

«УНР — наш классовый враг. Ни одной винтовки я не позволю отпустить из армии для этого империалистического вассала», — кричал Махно на эсеров. Вскоре, они сконфузившись, ушли из штарма. За Тютюнника в штабе происходила борьба. Центральной фигурой в этом был Махно, занимающий враждебную позицию против Украинских эсдеков и эсеров, и я, занимающий более примирительную, с целью использовать их против Деникина, а если удастся — привлечь их в наше движение. Победа осталась за Махно. К сожалению, надо сознаться, что Тютюнника можно было использовать в штарме, тем самым сблизить рядовую массу, все еще шедшую за УНР, с нашим движением. Да и не только рядовую. Такие унэровцы, как Матяж, Мелашко, Гладченко, Огий и другие, объявили себя анархистами и врагами петлюровщины.

Другой вопрос — верить им или нет. Это должно было показать будущее, а главное — кропотливая работа агентов контрразведки, изучающая «подозрительных» людей.

Между тем, группа Матяж.а все еще казалась подозрительной и не снималась с наблюдения штарма. Чтобы разложить собравшиеся в ней петлюровские элементы, было решено группу реорганизовать. Матяж. был отозван в штарм для организационной работы, вместо него назначен Гладченко, объявивший себя анархистом, а его помощником — Мелашко. Группа была названа «Вольно-Казачей Повстанческой Екатеринославщины» и входила в состав 3-го Екатеринославского корпуса. Начальником ее штаба был назначен Дьякивский, начальником административного и оперативного отделов, как и комендант группы и начальник контрразведки — все старые махновцы из Сурско-Литовского и Старых Кайдак. В районе действия группы, то есть по линии Каменское, Знаменка, Долинская было много мелких отрядов местного формирования. По плану штарма они должны были влиться в группу Гладченко, равно как и «Республиканские войска» (до 3 000 человек) Блакитного, должны были подчиниться ему. В перспективе группа Гладченко должна была выйти из состава 3-го корпуса в самостоятельный 6-й Киевский корпус. Но Блакитный не подчинился Гладченку. Между ними произошла ссора, и Гладченко, поддерживаемый штармом, угрожал Блакитному. Таким образом наше руководство над группой Гладченко укреплялось.

22-го ноября он был выдвинут из района Криничек и Софиевки (район формирования) к северо-востоку и совместно с 7, 8 и 9 стрелковыми полками, оттеснив 3-й корпус генерала Слащева к северу и западу, занял Верхнеднепровск, Мишурино, Пепельнастое, Желтое, ст. Зеленую и с. Петрово.

Тогда же 22 ноября 2-й полк, будучи передан 4-му корпусу, уничтожив эшелон противника, вторично занял Кривой Рог[751], организовав в городе Совет.

В это же время, 19 ноября 1919 г., член Реввоенсовета 14-й армии Южного фронта Г. К. Орджоникидзе писал В. И. Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич!

Вы мне простите, если я отниму у Вас, дорогой Владимир Ильич, несколько минут, но мне кажется, что те немногие факты, которые мне хочется сообщить Вам, безусловно, имеют не маленькое значение. По-видимому, наше продвижение вперед будет довольно быстрым. Деникин, безусловно, сломал себе шею на украинском мужике (украинский мужик сломал шею не только Деникину)...

Далее мы вступаем в район повстанцев-партизан. Здесь нам необходимо держаться в высшей степени гибкой политики: надо массы партизан влить, растворить в армии, во что бы то ни стало переварить их, всевозможных “батько” выдергивать и одних отправлять на тот свет, других взять и подчинить себе. Крестовый поход в той неуклюжей форме, которая проводилась в прошлом, безусловно, неприемлем. В районе нашей армии, без всякого хвастовства, я Вам ручаюсь скрутить их без всяких особенных скандалов. Но все это пустяки сравнительно с громадной важности вопросом о нашей политике отношений к украинскому мужику. Здесь, по моему глубокому убеждению, политика таскания его в коммуну — бессмысленна и гибельна. Во что бы то ни стало мы должны найти на этот раз с украинским мужиком общий язык.

Это, по-моему, возможно, но многим такая политика покажется “отклонением” и т. д., но все это чепуха. Многие из деятелей Украины не должны быть возвращены обратно. Самое лучшее — привлечь как можно больше местных сил, из центра посылать самых ответственных и к ним большое количество рабочих Питера и Москвы. Мы все, дорогой Ильич, на все мучительные вопросы ожидаем ответа »[752]...

24-го ноября в телеграмме в адрес ЦК РКП(б) со штаба 14-й армии сообщалось, что коммунистам приходится бороться с партизанщиной и махновщиной, которая имеет место в 13-й и 14-й армиях, что отступление армий под натиском деникинцев было вызвано также наличием партизанщины и махновщины, в этих армиях: «пришлось усиленно бороться с пропагандой махновщины, среди частей доказывать, что Махно изменил Советской власти, что силы его не так значительны и он поэтому не в состоянии бороться с регулярными частями противника и т. д. и т. п.». Далее указывалось, что, если после такой разъяснительной работы коммунистов в части поступают центральные газеты, в которых восхваляют подвиги Махно, то, конечно, даже сильным пропагандистам трудно бывает противостоять натиску махновской пропаганды.

Армия имела жаркие бои на всех участках. Достаточно закрепившись от Екатеринослава до Никополя на правом берегу Днепра, она переносила операции в Полтавщину и Херсонщину.

Протяжение стратегической линии фронта на 1 декабря 1919 г. было следующее: Екатеринослав, Хортица, Беленькое, Балки, Малая Белозерка, Менчекур, Ново-Александровка, Горностаевка, Снегиревка, Новая Одесса, Новый Буг, Бобринец, Верблюжка, Красная Каменка, Троицкое, Бригадировка, Кобеляки, Котовка, Перещепино и Чаплинка —

расстояние 800 верст.

Всего, таким образом, на первое декабря 1919 г. против нас были сосредоточены, без местных резервов, силы Деникина: 43 500 штыков, 7 900 шашек, 510 пулеметов, 102 пушки и орудий.

Наши боевые силы были равны: 83 000 штыков, 19 650 шашек, 1 435 пулеметов, 118 пушек и орудий, из которых: в 1-м Донецком корпусе — 15 500 штыков, 3 650 шашек, 144 пулемета, 16 пушек и орудий; во 2-м Азовском корпусе — 21 000 штыков, 385 шашек, 176 пулеметов, 16 орудий и пушек; в 3-м Екатеринославском корпусе — 29 000 штыков, 5 100 шашек, 261 пулемет, 34 пушки и орудия; в 4-ом Крымском корпусе — 17 500 штыков, 7 500 шашек, 154 пулемета и 18 орудий и пушек; остальные — стратегические резервы штарма (пулеметный полк — 700 пулеметов, 500 шашек, бригада кавалерии — 3 000 шашек, 7 бронепоездов и 5-ый артдивизион). Сюда не вошли все партизанские отряды, действовавшие за пределами боевой линии фронта, а также корпусные резервы, находящиеся в стадии формирования в полковых и бригадных округах нашего тыла, как и все остальные: местные войска самообороны, санитарные, обозные, трудовые полки, военная полиция, то есть, комендантские роты и эскадроны. Здесь показаны исключительно линейные, так сказать, боевые, полевые войска, со своими резервами.

Насыщенность войсками боевой линии была не одинакова. Она колебалась, а то и совсем некоторые пространства занимались обсервационными (наблюдательными) отрядами. Некоторые участки прерывчатой линии фронта были настолько разрежены, что являли собой совершенно пустое пространство в глубокий тыл противника.

Так, например, от Кривого Рога на Помощную и Елисаветград; от Новомосковска на Лозовую, от Балок на Бердянск и от Ново-Александровки на Чонгар — образовавшиеся пустые пространства ни нашими, ни противником не занимались. Там произвольно гуляли местные отряды, имея столкновения с зазевавшимися стражниками, фуражиром, или карательным отрядом. Называть их — надо исписать много бумаги, это недовольные крестьянские элементы, которые, будучи разгромлены, робко собирались для сопротивления и еще более робко выказывали свою агрессию против местных богачей и воинских частей Деникина.

На протяжении всей боевой линии происходили бои с переменным успехом. Были красивые отдельные эпизоды с обеих сторон, которые настолько поучительны в партизанской войне, не только своей формой, но и внутренним содержанием, что так и хочется рассказывать о них. Но, в следующий раз, в другом месте!..

На пятое декабря 1919 г. намечалось общее наступление по всему фронту. Но было отложено, ввиду эпидемии тифа, достигшей в наших рядах апогея. Части быстро редели, резервы иссякали и к концу декабря, казалось, нет здорового человека ни в армии, ни среди населения.

Штармом был назначен новый заведующий армейским лазаретом тов. Колодуб[753], в ведении которого сосредоточивалась медицинская власть. 19-го ноября на два часа дня он пригласил всех частных врачей на заседание в гостиницу «Бристоль», где договорился

относительно лечения повстанцев. Весь медицинский персонал до 40 лет был мобилизован наравне с частными больницами. Врачи, прислуга и остальной больничный персонал получил от армии хорошее вознаграждение на выбор — деньгами или натурой (продовольствием или одеждой).

Но эти меры не остановили эпидемию, армия редела.

Борьба с Деникиным заменилась борьбой с всепожирающим тифом, который как будто специально был брошен в нас противником. Правда, Деникин, вероятно, и не думал вести с нами бактериологическую войну, но тогда, казалось, что это его умелая рука сеяла смерть. Наша армия не была подготовлена, отчего она беспомощно встретила тифозную эпидемию, надеясь не на медикаменты, а на свою молодую здоровую природу: ведь в армии были люди в возрасте от 18 до 43 лет. Люди, привыкшие к лишениям, закаленные на солнце, обмытые дождями и осушенные ветрами; они должны были легче переносить болезни, чем те, которые сидели по домам. Но они тоже гибли, гибли без счета, гибли без вести!..

В течение этого периода мы потеряли более 30 тысяч человек. Ни одна армия, как бы она ни была заражена эпидемическими болезнями, не знает таких жертв, как наша. Тиф нас косил так, как 11-ю Кавказскую Красную Армию при отступлении ее из Кавказа в Астрахань. От него не было средств спасения. Тиф разрушал, доедал 250-тысячную армию.

Передо мной встал вопрос, кроме организации лазаретов, снабжения и формирования новых частей — организация 3-го корпуса и командных курсов.

Под курсы было отведено хорошее помещение бывшего английского клуба. Начальником их был назначен комкор 3 тов. Гавриленко. В основу курсов легло — теоретическое воспитание командиров, которые, на совершенно демократических началах избирались полками. 3-ий корпус был расформирован и влит в 1-й и 2-й.

Ввиду зимней стужи, повстанцы очень нуждались в одежде, которой к этому времени в армейском снабжении не имелось.

Нам было известно, что при занятии г. Екатеринослава деникинцами, последние начали грабить город, но городской ломбард был для них неприкосновенен и охранялся. В связи с этим буржуазия и обыватели потащили все что поценнее в ломбард, завалив его доверху, закладывая вещи не из нужды, а с целью их надежного сохранения. Поэтому 21 ноября штаб конфисковал городской ломбард[754], в котором хранились вещи, главным образом, бежавшей буржуазии. В нем было много золота, одежды. Все это богатство передали в снабжение. Вещи и одежда рабочего населения, по предъявлению квитанции, бесплатно им были возвращены, а буржуазии — конфискованы. Врачи, сестры милосердия и другие получали добротные вещи. Из каракулевых пальто, которыми были завалены все комнаты управления начштаба, решили сшить форменные шапки кавалерийским бригадам, что и было исполнено. Много верхней одежды а, особенно, белья шло в лазареты, переполненные больными и ранеными.

Тем временем на донском участке Красная Армия развивала энергичное наступление. Там были сосредоточены главные силы Деникина: кубанцы, донцы, терцы, во главе со ставкой.

Тяжелый орловский фронт не отставал тоже. 13-я и 14-я Красные Армии гнали впереди себя Добармию генерала Врангеля, в начале декабря, сменившего Май-Маевского.

Итак, 24 ноября Красная Армия заняла Конотоп и Старый Оскол, Коротояк и Лиски, а первого декабря — Прилуки и Сумы. Деникин отступал без остановки, Красная Армия гналась без передышки.

А что же было внутри махновщины за это время? Как чувствовал себя наш тыл за время военных преобразований?

Позволю себе в некоторой части (снабжения, комплектования и образования войск) коснуться деятельности военных управлений и учреждений Повстанческой Армии за период с 1/11 по 1/12 1919 г.

Как и раньше, теперь вопросами снабжения войск разного вида довольствия: интендантским, денежным и вещевым — занимался отдел снабжения штарма. Он имел свой полевой (при войсках) и местный (окружной) аппарат заготовок и распределения. Смотря по обстоятельствам и территории, иногда вопросы заготовок возлагались на войска, то есть на полевой аппарат отдела снабжения и его управлений. В основном, вопросы заготовок разрешались активной деятельностью окружных интендантских управлений. В том и другом случае заготовки производились с расчетом на известное число едоков, определяемых штармом и РВСоветом на срок до одного месяца при войсках и на 5–6 месяцев в окружных складах. Из районов Александровка – Мелитополь было вывезено в район Хортица – Никополь до двух миллионов пудов для людей и полтора миллиона пудов для лошадей — зерна и муки. Эти запасы хранились в подвижных магазинах: на станциях, пароходах и мельницах. Все запасы провиантного (зерна, муки, крупы) и фуражного (овес, ячмень, сено) довольствия были собраны путем присвоения магазинов Деникина, как военных трофеев. Кроме того, аппарат снабжения все время продолжал заготовку двумя способами: первый — сбор пожертвований у менее зажиточных слоев населения, не эксплуатирующих чужой труд, и второе — реквизиционная система, то есть безвозмездное отбирание провиантного, фуражного и приварочного (мясо, рыба, овощи, жиры) довольствия у более зажиточной части населения, эксплуатирующих чужой труд. Широко практиковалась система вольных заготовок, особенно, приварочного и чайного довольствия, путем закупок его на частном рынке, или уплата известной суммы денег хозяину, у которого на постое и, притом, на полном пансионе, состоял повстанец, при расквартировании части по домам гражданского населения. В последнем случае, за постой и довольствие повстанцев, оплачивались материальные убытки только тем слоям населения, которые явно не имели собственных годовых запасов, а «жили с базара». Оплата производилась либо деньгами, либо материальной ценностью (одежда, телега, лошадь и прочее) и, наоборот, постой и довольствие не оплачивались зажиточным слоям, имеющим более годовых запасов и эксплуатирующим чужой труд. Для определения состоятельности хозяина квартиры каждая рота, эскадрон и полубатарей создавали комиссии, привлекая к ее работе неимущие группы населения. Что касается рациона, отпускаемого для одного повстанца, то было установлено, что в сутки он должен получать: 150 г белков, 110 г жиров и 510 г углеводов.

Немного труднее обстояло со снабжением одеждой и обувью. В октябре армия выросла до 250 тыс. человек, считая и новые резервные формирования в полковых округах. Шла зима. Из числа военных трофеев, линейным частям было отпущено до 25 000 комплектов английского обмундирования. 175 тыс. имели старые гражданские запасы, или добывали обмундирование сами, а также через аппарат снабжения и комендантов. Остальные 50 тыс. были совершенно раздеты. Но, и это небольшая беда, когда 75% состава подготовлена к зиме и находишься в районе, где население поддерживает армию. Однако, интенсивная убыль повстанцев в связи с эпидемией тифа и наплыв новых людей с ноября месяца, поставили нас в невыгодное положение. Добрых 30% все-таки были раздеты.

Член Екатеринославского подпольного большевистского губкома т. Коневец (Гришута) свидетельствовал отступление махновцев на правый берег Днепра: «Эти часы отступления, с 12-ти часов дня до 6–7 часов вечера — на участке от г. Александровска до Кичкасского моста, в сырой осенний день трудно обрисовать, до того они были кошмарны. Позади всех толпой в количестве 3 000 человек двигались босиком, в халатах, в одном белье, закутанные в простыни и тряпки, больные и раненые...»[755].

Армия грабителей, в чем любят нас упрекать наши идеологические противники, ходила бы в кожаных куртках и штанах, в полушубках.

Об одном типичном грабителе-махновце не предвзято рассказал заведующий городскими приютами т. Гутман:

«...Мой квартирохозяин, старичок — интеллигент Х., решил днем, около 12 часов, пройтись по улице. Через два квартала на углу он был остановлен махновцем, который, оглянувшись кругом и увидя пустынную улицу, крикнул ему:

— Стой!

Х. остановился как вкопанный.

Махновец снял с плеча ружье и сказал решительным тоном:

— Снимай штаны!

Как ни далек был Х. от храбрости, но такое требование превратило его в взбесившегося воробья:

— Как это я тебе тут сниму штаны и пойду днем по улице без штанов?! Хоть убей, не сниму!

Махновец приставил штык к его животу.

— Снимай! А не то пузо проткну!

Х. упорствовал. Махновец нажимал штык и ругался. Наконец Х. осенило:

— Да зачем мне тут снимать? Вон недалеко мой дом. Идем, я дам там тебе штаны!

Махновец после некоторого колебания согласился. Х. под его конвоем вернулся домой и предложил ему другие брюки, но махновец упорно настаивал, чтобы он снял те, что на нем. Пришлось уступить.

Сняв в кухне свои действительно ужасные отрепья и надевая новые брюки, махновец поучительно разглагольствовал:

— Вот давно бы так. А то у шестерых прохожих просил: “Дайте, пожалуйста, штаны, совсем обносился”. Все говорят: “Нет лишних”. А вот теперь нашлись. Нам батько Махно запрещает грабить. Ежели, говорит, тебе что нужно, возьми, но не больше. Ну, а мне больше не надо!

Ему предложили поесть и он охотно согласился...»[756].

Бралась и заменялась та одежда, которая удерживала максимум тепла. Кроме того, производилась на частном рынке закупка сырья, полуфабрикатов, готового платья и обуви. Заказы выполнялись по вольному договору местными мастерами, а больше — профсоюзы, кооперативы и артели. Такие мероприятия не могли, однако, удовлетворить на все сто процентов спроса армии и нам приходилось трудновато. Заказы не выполнялись в срок. Дальше мы отступали и заказы либо попадали белым, либо присваивались исполнителями. Так, в Бердянске осталось — 10 000 пар сапог и 20 000 теплых фуфаяк; в Мелитополе — 15 000 пар сапог, 25 000 комплектов верхней теплой одежды и 30 000 пар белья; в Александровске — 15 000 шинелей, 10 000 пар сапог, 30 000 шапок и прочее — весь материал давала армия, уплатив 50% стоимости работы при заказе. Все это оставалось либо на руках у мастеров, артелей, кооперативов, либо конфисковано белыми, как военные трофеи. Нехватка теплой одежды заставляла нас искать другие пути. На неосторожного неприятеля посыпались разовые экспедиции с целью захвата обмундирования, а под конец, как крайнее средство, раздевались пленные, которые не желали добровольно вступить в Повстанческую Армию.

Еще худшее положение было с медикаментами. Местные средства оказались настолько малы, что приходилось искать выхода из положения и за пределами боевой линии, в тылу противника. С этой целью аппаратом контрразведки производились интенсивные закупки медикаментов в городах: Севастополе, Симферополе, Ялте, Феодосии, Керчи, Новороссийске, Ростове, Таганроге, Одессе, Николаеве, Херсоне, Харькове и других. В Мариуполе, Бердянске, Мелитополе и Ногайске запасы медикаментов в аптекарских магазинах, военных и земских складах — пришлось конфисковать, оставив небольшой запас для населения, и эвакуировать в Хортицу — Никополь. Но и этого не хватало, при такой страшной эпидемии тифа.

Что касается денежного довольствия, в виде жалования, то ни рядовой, ни командир, никогда его не получал, мотивируя тем, что он служит революции исключительно по призванию, а не за жалование. Командование не навязывало своей воли бойцам и запротоколировав это положение для всей армии, являлось законом.

В исключительных случаях, из армейской суммы выдавалось пособие семьям погибших повстанцев. Размер определялся наличием кассы и по усмотрению финансовой комиссии

РВСовета.

Артиллерийское снабжение находилось в ведении артиллерийского Управления отдела штарма. По состоянию на 1/11 1919 г. комплект боеприпасов (при винтовке 250 патронов, при станковом пулемете 5 000 патронов, ручном — 2 500, при орудии — 124 снаряда) составлял 37 750 000 ружейных патронов и 496 000 снарядов. При винтовках, пулеметах и орудиях: 75 миллионов ружейных патронов и полтора миллиона снарядов — в армейских складах. Попытка артуправления организовать производство патронов и снарядов не дала желательных результатов. Из-за отсутствия сталистого чугуна и химических продуктов. Ремонт материальной части артиллерии производился в артиллерийских мастерских собственными силами и путем договора на частных и акционерных предприятиях Александровска, Мелитополя, Бердянска, Гуляй-Поля, Екатеринослава и других местах. Надо сознаться, что в общем, армия не претерпевала особой нужды в орудиях смерти и разрушения. Эти средства добывались большими комплектами у противника после каждого боя.

Комплектованием армии личным и конским составом занимался отдел формирования (отдел штарма). Весь район был разбит на полковые округа, которые производили формирование полков по территориальному признаку. Как принцип, комплектование личным составом происходило путем обязательной повинности всех командиров-повстанцев и путем вербовки добровольцев рядовой массы и, так называемой, самомобилизации. В последнем случае аппарат отдела формирования (полковой и окружной) собирает общество на «деловой» митинг, где рисует военную и политическую обстановку, призывая дать свое согласие на мобилизацию. Обыкновенно, население давало добро и заносило это в протокол. Комплектование рядового состава так и узаконивалось. Комплектование лиц низшего и среднего комсостава производилось путем выбора наиболее способной и активной части, из среды мобилизованных, или завербованных, самими же мобилизованными. Что касается комплектования высшего комсостава (от комполка и выше), то таковое производилось на собраниях, совещаниях и съездах комсостава корпуса или армии по представлению кандидатуры либо от рядового состава, либо от штабов армии, корпуса, управления. Естественно, при такой системе комплектования в армию просачивались местные кулацкие элементы. Однако они были на виду у своих односельчан и в своей массе в командиры не попадали, как элементы наименее готовые отдать свое состояние и жизнь за чуждую им анархо-махновщину. Наиболее активной и удалой частью была батрацкая молодежь, которой дома защищать фактически нечего. Она-то и стремилась в боях отстоять право на раздел помещичьей и государственной земли, на раздел политической власти, которую оспаривала у всех борющихся партий.

Кроме того, армия комплектовалась личным составом из контингента пленных, попадавших в армию противника по мобилизации и изъявивших желание остаться в махновщине, за исключением комсостава и офицеров. Последние, в большинстве случаев, расстреливались, как военная каста, всегда способная на измену и готовая поддержать реставрацию капиталистического строя.

Разделение армии по сословиям определялось: 25% безземельных или батраков, многие из них ранее ушли в город, но из-за простоя заводов вернулись в село, 40% бедняков и

середняков, 10% зажиточных, но не имеющих собственной земли, 10% безземельных, но занимающихся рыбными промыслами по найму со своими орудиями труда и производства, 5% занимающихся извозом, 7% рабочих промышленности и транспорта, и, наконец, 3% мещан и других. Из них, местного населения Екатеринославской губернии 50%, Таврической и Херсонской губерний 25%, Донской области 7%, Полтавской губернии 8% и пришлого из других губерний элемента 10%.

Таким образом, состав армии преимущественно был крестьянский, но более пролетаризированный развитием за последнее двадцатилетие капитализма в сельском хозяйстве.

Распределение по возрастным группам бойцов армии, примерно, было следующее: до 20-ти летнего возраста — 10%, до 25 лет — 20%, до тридцатилетнего — 40%, до тридцатипятилетнего возраста — 20%, до сорокалетнего и выше — 10%. Таким образом, в возрасте от 20 до 35 лет составляли 80% всего наличного состава армии. Эта масса людей фактически была вышколена в старой царской казарме, а тем более активно участвовала в последней империалистической войне, в качестве рядовых и низшего комсостава.

Гражданская война по своей форме нечто иное, чем последняя окопная, империалистическая война. Она отличается и организацией частей, и военной политикой, и психологией. Поэтому строевому управлению приходилось вносить некоторые коррективы в военное образование каждого бойца. Все уставные и программные изменения очень скоро бойцами схватывались на практике. То же можно сказать и о старших группах, которые хотя более отстали в военном образовании, чем первые, но все-таки неплохо успевали. Другое дело наиболее молодые, не прошедшие школу империалистической войны. С ними надо было проводить интенсивные занятия.

Вспоминая сейчас — поражаешься успеваемости этих молодых людей. Строевое управление выпускало в строй вполне образованного пехотинца за 50 часов, из которых 20 часов уходило на строевое занятие, 20 часов на стрельбу и 10 часов на фортификацию; кавалериста — за 70 часов, из которых 30 часов на строевое конное и пешее занятие, 20 часов на стрельбу, 10 часов на фортификацию и 10 часов на занятия по уходу за лошадью; артиллериста — за 60 часов, из которых 20 часов на строевое занятие у орудия, 20 часов на стрельбу и 20 на фортификацию; то же происходило и с пулеметчиком и повстанцем инженерной части. В основу программы была положена абсолютная специализация повстанца. Практику молодые люди проходили среди старших товарищей на фронте, путем индивидуального (артиллерист, пулеметчик) и группового (пехотинец, кавалерист) ученичества. Все лишнее, обременяющее молодого человека, было исключено из программы. Правда, молодой повстанец по теоретическому образованию не сравним со стариком, получившим в свое время казарменное образование, но со стороны практической ни чуть ему не уступал, а в лучшем случае превосходил учителя. Что касается образования низшего, среднего и высшего комсостава, то последние не проходили специальных курсов, а индивидуально обучались у своих старших товарищей, у которых они были помощниками, на ту именно должность, на которую были избраны. Это — практиканты. Они были везде: при штабах, при командирах, которым вменялось в обязанность обучать их в продолжение наименьшего времени.

Комплектование армии конским составом (три категории лошадей: строевые, артиллерийские и обозные) происходило тремя способами: 1-й — это покупка лошадей по вольным ценам; 2-й — это обмен двух уставших, или дефектных на вполне годную одну лошадь; и 3-й — это реквизиция, то есть безвозмездное отбирание у зажиточного слоя населения, однако при том условии, если количество лошадей превышает трудовую норму, которая определилась — на два едока одна рабочая лошадь и при условии строевой нужды армии в лошадях. Основная масса лошадей отбиралась у противника.

Деятельность врачебно-санитарного управления (отдел штарма) за этот период достигла своего апогея. Каждый пехотный полк и каждая кавбригада имели свои подвижные госпитали на 50 коек; корпуса на 1 000; армия (штарм) на 5 000. Кроме того, везде, где позволяло помещение и оборудование, были открыты местные лазареты, магазины медицинских и аптечных материалов и аптечных складов и, наконец, была мобилизована медицинская промышленность. Имелся необходимый штат медперсонала и санитаров: полк имел главного врача, 5 батальонных врачей, в ротах по одному фельдшеру; корпус имел корпусного врача (главного) и соответствующий штат. Аппарат управления оказался в процессе эпидемии тифа настолько ничтожным, что приходилось мобилизовывать не только гражданский медперсонал, но и местное население, главным образом, женщин, не связанных собственной семьей. В Екатеринославе, Никополе, Александровске, Мелитополе, Ново-Воронцовке были открыты при корпусах и местных лазаретах краткосрочные курсы фельдшеров и сестер милосердия. Весь фельдшерский персонал был изъят из строя и поставлен к своему делу. Пленный медперсонал, особенно врачи, да и ветеринары и фельдшеры какого бы они происхождения не были, к какому бы классу не принадлежали, — все были мобилизованы и приставлены к своему прямому делу.

Как ни интенсивны были мероприятия, потушить тифозную эпидемию (противотифозная прививка и прочие предупредительные меры) все равно не удалось побороть ее имеющимися средствами. Надо сказать, что врачебного персонала, даже при всех стараниях, совершенно было недостаточно, отчего пришлось на эти места продвигать старых фельдшеров и даже сестер милосердия. Были открыты местные, полковые, корпусные и армейские бани, прачечные, изоляционные камеры, приняты другие санитарные меры, но эпидемия брала свое. Более того, приходилось использовать даже тыл противника. Каждая партизанская партия, получившая назначение в рейд, увозила с собой тифозных, разгружая их то у родных больного, то в больницы и лазареты Деникина, предварительно снабдив больных военными документами какой-либо войсковой части противника. Основная масса выздоравливала в этих лазаретах и только небольшая часть из них по подозрению попадала в контрразведку белых, где и расстреливалась.

Такую же безотрадную деятельность имело и управление военных сообщений. Правда, подвижной (гужевой) состав армии ремонтировался местными средствами на основе обоюдного соглашения сторон (гражданских и военных) и был в относительной исправности. Зато железные дороги были в плачевном состоянии. Запасы топлива истощены, ремонт путей и подвижного состава если производился, то весьма недостаточно. Особенно, на участке Никополь - Апостолово, где белые взорвали три моста. Продвинуть эшелоны из Никополя на Апостолово, Кривой Рог, Долгинцево, Верховцево и Екатеринослав — не представлялось никакой возможности. Металлургическая промышленность

Екатеринослава настолько была в упадке, что Брянский завод, как мы ни старались навязать ему за любую цену работу по реставрации мостов, наотрез отказался выполнить этот заказ, мотивируя отсутствием материалов и рабочих рук. Так, злосчастные мосты и не были подняты и весь наш материальный резерв продолжал оставаться на линии Хортица – Никополь. Зато возросла деятельность гужевого транспорта армии. Однако для удовлетворения потребностей линейных частей довольно длинного, распутившегося в распутице и бездорожье фронта, обозных войск армии и транспортных средств было недостаточно, отчего к этой деятельности привлекалось местное население, в порядке обозной повинности.

Состояние финансов, в течение описываемого периода, было почти удовлетворительное. Этим вопросом занимался главный казначей штаба и финансовая комиссия Реввоенсовета. Состояние кассы на 15 октября 1919 г. колебалось в пределах 9–10 млрд. рублей бумажных знаков. Золотой и другие фонды (драгоценные металлы и камни) не превышали 15 млн. рублей. Бумажные деньги, выпущенные разными правительствами, имели назначение для внутреннего хождения как меновая ценность, в противоположность золотому фонду, который имел прямую статью расходования на работы подполья, печати и военного осведомления за пределами фронта, а главное, для связи с Варшавой, Москвой, Харьковом, Киевом, Тифлисом, Веной, Парижем, Италией, Испанией преимущественно на дело популяризации анархических и махновских идей. Этими дорогими средствами заграничные товарищи, конечно злоупотребляли, прогуливая и транжиря попусту, не отдавая секретариату «Набата», находившемуся при армии, никакого отчета.

Поступление финансов в кассу происходило путем экспроприации государственных банков, казначейств, дворянских и крестьянских земельных банков, акционерных банков, коммерческого кредита и даже обществ взаимного кредита, городских банков и крестьянских учреждений мелкого кредита, конечно, по выбору и состоятельности общества и вкладчиков. Эти банки были экспроприированы в городах: Мариуполе, Юзово, Бердянске, Мелитополе, Геническе, Александровске, Алешках, Ново-Воронцовке, Кривом Рогу, Новом Буге и Екатеринославе официальным путем. Ростовская контора Госбанка, Таганрогское отделение, Мелитопольское казначейство и другие — не официально, то есть подпольными эксаторами, штабной контрразведкой. Кроме того, широко практиковалась агрессивная система контрибуций, накладываемая на отдельных помещиков, финансистов, промышленников и домовладельцев. Внушительные средства брались также в кассах войсковых частей при их капитуляции, или окончательном разгроме, а также в немецких колониях.

К ноябрю благоприятное финансовое состояние армии сменяется почти кризисом. Обильные поставки населением в армию разного рода снабжения, помощь семьям убитых, больных и безработных, настолько опустошили кассу, что даже поставили вопрос о производстве «керенок». К 1-му декабря 1919 г. балансовое состояние кассы было, примерно в 5 млрд., обесцененных кредитных билетов и на 2 рубля золотого фонда.

Для поддержания дисциплины была установлена дисциплинарная ответственность и положение, дающее право наказания без суда властью командира (за незначительные проступки), или наказание по суду, в компетенцию которого входило наказание виновных за

более важные проступки: мародерство, насилие женщин, присвоение военного имущества, утайка трофейных ценностей, самосудные расстрелы пленных и арестованных, небрежное отношение к военному имуществу и прочее.

В первом случае, за нарушение дисциплины — командир имел право объявить в приказе выговор, принародно пристыдить, а в крайнем случае — выгнать из своей части. Физическое наказание в виде ставки виновных под ранец, назначение вне очереди на дежурство, работу, в разведку и пр. совершенно было отменено.

В другом случае, официально была учреждена система, так называемых «судов чести»: своя часть на открытом собрании выносила то или иное наказание (выговор, перевод на более тяжелую службу, главным образом, в тыл противника, изгнание из армии и, наконец, расстрел), смотря по составу преступления и по мотивам, ради которых оно совершено. Умышленное дезертирство, физическое насилие над женщиной, или над иными гражданскими лицами, сопровождавшееся либо побоями, либо смертью, явная измена, подлог, использование своего служебного положения в личных корыстных целях — все такие преступления карались смертью.

Иное место в этой деятельности занимала контрразведка. Кроме разведывательных функций, ей были вменены и карательные. Она проводила работу среди войск и гражданского населения, распавшаяся на два отдела. Разведывательный ее аппарат среди войск был невысоким по уровню подготовки, но довольно многочисленным по составу сотрудников: последних было примерно 1 к 10. Это значит, что кроме командира отделения и его помощника-практиканта, контрразведка имела своего человека (секретного агента) на каждые 10 человек повстанцев. Гражданский отдел контрразведки стремился к большей насыщенности своих агентов среди гражданского, взрослого населения. Такие лица состояли на службе не по расчету, а скорее по призванию: жалования они не получали, но, видимо, доносили о всем замеченном против-махновском вполне аккуратно. Так, политические заговоры на восстание разоблачались в своем большинстве прежде, чем они созревали. Не обходилось и без провокаций агентов контрразведки, как дальше увидим.

Что касается деятельности военной контрразведки на занятой армией территории, то она сводилась к работе среди своих частей и в среде гражданского населения, дополняя этим работу гражданского отдела по выявлению оставшихся белогвардейцев. Расстреливался всякий, кто служил у Деникина в качестве: офицера, жандарма, тюремного надзирателя, контрразведчика, провокатора и других, имеющих то или иное непосредственное отношение к карательным или следственным учреждениям. Этих «других» немало было среди торговой, помещичьей, промышленной буржуазии, служащих капиталистических и государственных предприятий. Деятельностью (в смысле карательных функций) контрразведки непосредственно руководил сам батько Махно.

Будучи жестковатым по характеру, он дал такое направление контрразведке, что почти каждый смертный акт рассматривался секретариатом «Набата», Союзом Гуляйпольской группы анархистов или ВРПС, как классовый черный террор, иногда, правда, получавший свое развитие в безмотивный террор: «бей потому, что он офицер, судья, жандарм или просто буржуй-эксплуататор, от которого любой ценой следует избавиться».

На этой почве бывали серьезные скандалы. Всей деятельностью военной контрразведки в тылу противника руководил оперативный отдел штарма. Там шла большая разведывательная, террористическая и экспроприаторская работа. В городах, поселках и крупных селах — всюду были подпольные, осведомительные узлы. Их резиденции находились в разных местах: в артели, гостиницах, приезжих домах, столовых, ресторанах, у сапожников, портных и вообще там, где чаще всего встречались военные. Разведка имела некоторый штат в армии, на заводе, фабрике, руднике и прочих местах, откуда получала сведения, пересылая их в штарум. О состоянии Добрармии и ее тыле мы были хорошо осведомлены. Вместе с тем, случались провалы нашего разведывательного аппарата, после которых приходилось все восстанавливать.

Культурно-просветительный отдел (культпросвет) являлся частью гражданского и частью военного аппарата (отдела) РВСвета. Он делился на секции: 1) -печати, 2) -устной пропаганды, 3) -театральную, 4) -школьную и другие. Деятельностью культпросвета руководил Волин — член секретариата конфедерации «Набат», печатью — Аршинов (Марин). Такой же аппарат был при каждом корпусе, имея в своем военном хозяйстве небольшую типографию «американку», где издавал еженедельную газету «Повстанец», а больше — листовки.

Центральная газета штарма была «Путь к Свободе», а потом и «Шлях до Воли», первая на русском, а вторая на украинском языках: обе ежедневные газеты. Кроме того, выходила партийная газета «Набат» — секретариата конфедерации «Набат» и местные газеты: «Вольный Бердянск», «Вольный Мелитополь», «Вольное Гуляй-Поле», «Вольное Орехово» и «Вольный Никополь» — все они находились под непосредственным руководством секретариата «Набат» и на полном иждивении секции печати. Я не буду говорить о содержании газет — они были анархические, но упомяну трудности, с которыми была связана наша печать, в связи с нехваткой бумаги и литературных сил. Бывали моменты, когда газета писалась исключительно редколлекгией на разные темы и под разными псевдонимами. Литературных сил настолько было недостаточно, что с развитием дела «Вольных городов» приходилось ежедневную газету иногда выпускать через день-два, а то и неделю. Зато листовки выходили аккуратно и в большом количестве. Печать являлась теми махновскими дрожжами, которые поднимали массу на борьбу с Деникиным и на устройство коммунистического и синдикального строя (в анархическом смысле).

Наряду с легальной печатью, на территории занятой махновцами, секретариат «Набата» издавал нелегальные газеты и воззвания в тылу Деникина. В Полтаве, Миргороде, Елисаветграде, Кременчуге, Одессе, Киеве, Волчанске, Харькове, Севастополе, Симферополе — они почти все выходили под названием «Набат». Эти газеты выходили весьма нерегулярно и не имели такого значения, как листовки. Здесь литературных сил было весьма немного: три, пять человек писали всю газету. Однако и они были на полном пансионе Повстанческой Армии махновцев.

Секция устной пропаганды также имела свой аппарат и довольно многочисленный. Кроме штатных руководителей, доведенных до полков, в состав его входили другие лица, командиры и повстанцы, обладающие хоть сколько-нибудь даром слова. Они почти ежедневно собирали местных жителей, то на конференции и собрания, а то просто на

улицах и в хатах вели с ними беседы на разные политические, а больше экономические темы. Здесь работа кипела вовсю. Среди ораторов, конечно, было большое количество таких, которые не могли претендовать на классическое, а тем более на анархическое совершенство. Но такие ораторы как Волин, Махно, Бармаш, Алый, Аршинов, командиры корпусов: Вдовиченко, Калашников, Гавриленко, Павловский и Володин, как А. Губенко, Уралов, Могила, вполне могли претендовать на классиков ораторского искусства, особенно Волин и Махно.

Театральной секцией руководили махновские артисты-любители: Никита Конопля[757] — заведующий и Цыганок[758] — заместитель. Секция делилась на группы: музыкальную, драматическую, оперную, сатирическую. Музыкальная, хоровая и сатирическая группы своим аппаратом были доведены до роты, эскадрона и батареи. Струнные и духовые оркестры были при штабаме, штабах корпусов и некоторых полках. Низовой аппарат музыкальной группы составлялся из повстанцев-виртуозов, играющих на гармонии, баяне. Этот народный инструмент, между прочим, господствовал в частях. Отдых всегда сопровождался музыкой и танцами. Штатные игроки непременно соединялись вместе. Штатная гармошка была куплена на средства армии и находилась, кроме штабов, по одной во взводе. Кроме того, полки имели струнный оркестр, уступающий по своей организации оркестрам гармошек.

Сатирики и певцы сопровождали отдых песнями и едкими насмешками, выбирая тему на злобу дня. Между ними были довольно остроумные и талантливые парни.

Драматическая и оперная группы комплектовались не только из среды профессионалов артистов, но и любителей; последние преобладали над первыми. Эти группы были в полках. Одни играли сносно, другие неудовлетворительно. Среди них было много женщин. Пьесы из боевой жизни давал им анархист-итальянец, приехавший в махновщину для связи и оставшийся до 1921 г., пока не попал в Бузовке в плен к буденновцам. Он великолепно писал драмы.

Школьной секцией руководила Галина Андреевна Кузьменко — жена Н. Махно, как председатель союза Народного образования. Её функции сводились к организации школьного дела, изысканию средств и управлению, путем привлечения к этому делу родителей учащихся, выработке программы и контроль за ее исполнением. Работой этой секции особенно похвалиться нельзя, так как она не вполне закончила свой организационный период и не успела еще созвать ни одного съезда родителей учащихся и преподавателей, хотя и преуспевала в массовых районных конференциях педагогического персонала. Школа была военизирована, отчего учащиеся проводили военные занятия, которые заканчивались порой настоящими побоищами. Последние являли собой страшные инциденты, доходившие до убийства.

Так, Гуляйпольская школа разделилась на махновцев и белых. Пошла стройная атака на махновцев, «белые»ученики, поймав мальчика «махновца», повесили его по приказу командира: «Пусть повисит, пока я управлюсь с махновцами и не свистну». Но этот 12-летний командир так увлекся боем, что забыл «свистнуть», а мальчика сняли из петли мертвым и отдали на попечение 10-летним сестрам милосердия, которые, перепугавшись,

убежали и сообщили об этом родителям.

В с. Новоспасовке школа также разделилась на два лагеря: «махновцев» и «белых». Вышли в поле, захватили стадо скота, выбрав жеребят и старых лошадей под кавалерию. Атака сопровождалась метанием камней со стороны «махновцев» в кавалерию «белых». В результате — убиты седок и лошадь.

Такие моменты развращали учеников, отчего было запрещено младшим классам производить боевые маневры, а ограничиваться исключительно одиночным и групповым занятием в строю.

Военным образованием увлекались, кроме учеников и те подростки, которые не были организованы школой. Они обучались вместе со школьниками старших классов. Школьная секция не проводила никаких занятий в армии, отчего она была организацией чисто гражданской.

Деятельностью Революционного Совета руководили постановления последних съездов: 3-го Гуляйпольского, состоявшегося 10 апреля 1919 г. и 4-го Александровского — 28 октября того же года. Съезд считался инициативной, законодательной инстанцией в том случае, когда его постановления одобрялись на местах большинством населения, после которых постановления входили в законную силу для этого района и не распространялись на другие не приславшие на съезд представителей. Съезд избирает и оставляет в центре Исполком, разделявшийся на множество «деловых комиссий» по гражданским вопросам и на военную часть, равную Военному Комиссариату или министерству, с законодательными в этой области функциями. РВСовет Александровского выбора состоял из представителей политических партий и трудового населения. Состав его, после Александровского съезда, в политическом отношении являл собой коалицию: 42,5% анархистов (85 человек, все командиры и начальники военных управлений), 10,5% — левых эсеров и максималистов (21 человек, из которых часть командиров и часть делегатов от сел), 2% — большевиков (4 человека, из которых от рабочих г. Александровска — Велик, Екатеринослава — Новицкий, от Харцызска — Иванов и от армии — Колодуб), 35% беспартийных крестьян (70 человек) и 10% рабочих (20 человек) от различных промышленных районов. Меньшевики; народники, правые эсеры и националистические партии отказались принимать участие в работах РВСовета.

Как видно, представители «военного анархизма» преобладали над какой-либо другой группой делегатов, оттого они и были составным элементом военного командования, скелетом и головой армии. Самый незначительный процент большевиков-коммунистов объясняется малочисленностью партийных организаций, так как основная их масса ушла с Красной Армией на север.

К этому времени, на занятой махновцами территории, большевистские партийные организации были настолько слабы, что их деятельность совершенно не замечалась, а отдельные товарищи терялись в массе рабочего населения, идущего преимущественно за меньшевиками. В самой армии, организованных большевиков было не более 100 человек. Оставшиеся в армии большевики были настолько угнетены событиями и игнорировались

повстанцами, восставшими на линии Нового Буга против красного командования, что активно себя не проявляли. Добрых 50% большевиков представляли из себя политически разложившихся и перешедших на сторону анархистов. До 20-ти человек из них оставались в махновщине весь период борьбы с соввластью в 1920 году. Даже если взять то время, когда Екатеринослав и Кама не кое[759] было приравнено к территории махновцев, то и тогда на этой территории численность коммунистов-большевиков не превышала 150 человек. Другой вопрос, как эти большевистские силы, особенно, в Екатеринославе, проводили свою работу. Только люди с большевистской хваткой, могли устоять против нападков анархистов, эсеров, меньшевиков, обиженного Советской властью кулака и городского мещанина.

Атаки были ужасны, но эти большевики-одиночки настойчиво их парировали, и в этом имели некоторый успех! А ведь им вспоминали все, судили в печати, на конференциях и митингах?! Бывали моменты, когда повстанцы требовали закрытия «Звезды»[760], стягивали большевиков с трибуны, а в лучшем случае, не давали говорить.

РВСовет являлся политическим центром армии — проводником идей анархизма. После занятия района, в селах были реставрированы советы времен мая 1919 года: в городах шла борьба за такие же советы, то есть за «Советы вольных городов», управляемых на основе личных симпатий и свободного договора. Но, в городах дело организации «Советского строя», то есть городских советов, которым, как и сельским присваивались функции исключительно экономические, дело не продвигалось. Политическую деятельность армия оставляла за собой, хотя и признавала, что это неприкрытый военный абсолютизм, но временно, подобную меру допускала.

РВСовет не имел в городе большого успеха. Более того, в борьбе за городские и профсоюзные массы, он почти капитулировал перед меньшевиками, народниками и правыми эсерами. Он не сумел организовать свои синдикалистские союзы, идея Волина — идеолога фракции синдикалистов в секретариате «Набат». Между набатовцами — анархистами-коммунистами и анархистами-синдикалистами — в этом вопросе не было единства: анархисты-коммунисты стремились организовать советы городских коммун (в смысле центрального экономического аппарата города, подобно сельскому), а анархисты-синдикалисты стремились организовать производственные корпорации, которые на основе свободного договора должны между собой объединиться и составить городской экономической совет коммуны. В итоге получалось, что город не видел ни совета, ни синдикалистских производственных союзов. Такая недоговоренность создавала разноречивую и в самом РВСовете, тем более, если к этому присоединить и вздохи некоторых рабочих представителей по городской думе и ее исполнительном органе — Управе, а сельских — по старосте, последователей большевизма — по Советской власти, а левых эсеров и максималистов — по своим советам и союзам трудового крестьянства. Гражданская часть РВСовета погрузилась в мелкую работенку, имеющую скорее местное значение, чем общее; каждая фракция оспаривала свои политические права и взгляды. Зато реальная работа не двигалась с места.

Неработоспособность в этом вопросе РВСовета создавала вокруг него целую серию интриг, склок, развившихся, в конце концов, в полное недоверие со стороны военной части. За гражданский РВСовета работала военная его часть, в лице культпросвета, во главе с его

председателем Волиным. Только он и РВСовет и проводил массовую работу в городах, поднимал массу на борьбу с «капитализмом, развивая в нем безклассовые анархические принципы».

Но, были моменты, когда гражданская часть РВСовета приходила на помощь штабам, то есть военной его части и не ограничивалась одним процессом подписывания протоколов, а принимала на себя практическую работу.

Все города: Мариуполь, Бердянск, Ногайск, Мелитополь, Бреславль, Геничеськ, Кривой Рог, Верхнеднепровск, Екатеринослав, Кобыляки, Никополь, Александровск и Юзово почти одновременно заняты махновцами, жили без политической власти, в хаосе военного абсолютизма и бандитизма, быстро развивавшегося на почве экономического кризиса и разжигаемого уголовным элементом, выпущенным из тюрем.

На рассвете 11 ноября 1919 г., покончив с Туземной дивизией в Лоцмано-Каменке, мы вторично вступали в г. Екатеринослав. Разведка в 50 шашек шла впереди кавбригады, с которой двигались Махно и я.

Колонны войск представляли собой колоритную картину и довольно красивое зрелище: гарцующие в колоннах всадники; рослые молодые люди, много красивых со вкусом одетых, с черными и красными бантами в петлицах, с развевающимися черными знаменами, на прекрасных лошадях.

Бесконечной вереницей тянулись пулеметные тачанки и подводы с сидящей на них пехотой. Пестрая одежда: шубы, штатское пальто, поддевка, офицерские шинели, жупан, кавказские бурки и башлыки, английское обмундирование.

Одни в отличных офицерских сапогах и рваной одежде; другие — наоборот. Но все прекрасно вооружены, с сияющими достоинством победителей лицами...

В колоннах было много женщин — сестер милосердия и числящихся рядовыми бойцами, охваченных общим революционным порывом. Настроение у всех необыкновенно боевое.

15-го ноября в штаб зашел Махно. Он держал в руках две газеты. Одна из них «Звезда» № 131 — орган Екатеринославского губкома, которая отпечатана в первый раз после деникинского подполья. Другая — «Народовластие» — орган партии правых эсеров, вышедшая без подписей авторов, с твердыми знаками, старой орфографией и истасканным лозунгом об Учредилке.

— Вот, видишь, какова свобода слова и проповеди идей, — говорил Махно, разворачивая «Звезду».

— Послать бы на Садовую 7, да арестовать редакцию за такую статью, как эта. Он начал читать статью «Безвластие или Диктатура Пролетариата», за подписью «Вл. М-ский».

«Нужно утвердить железный революционный порядок. Установить строжайшую революционную дисциплину. Положить предел бесшабашной, безвластной анархии и

бессмысленной несогласованности действий, единственным результатом которой может быть только усиление контрреволюционных элементов, использующих отсутствие организованного давления на них со стороны неимущих классов в целях подрыва всех революционных начинаний. Осуществление диктатуры пролетариата и неимущего крестьянства через посредство их выборных классовых организаций — вот направление, в котором развернется революционное строительство»[761].

— А вот дальше. — Махно читает статью П. Горенева «Идеология махновского движения».

«Мелко-буржуазная анархическая идеология, усвоенная имущими слоями крестьянства, оказалась наиболее полным отражением их собственнических чаяний и стремлений. Идея безвластия, обеспечивающая имущим слоям деревни свободу от всяких давлений со стороны пролетариата и союзной ему крестьянской бедноты, как нельзя более пришлась по вкусу деревенским кулакам и прижималам. Анархическая система организации промышленности также не могла не найти сторонников в отсталой и не вполне дожившей даже до степени капиталистической организации деревни»[762].

Махно злился и готов был приказать начальнику армейской контрразведки Л. Голику или Л. Зиньковскому — начальнику контрразведки 1-го корпуса, схватить авторов, редакцию и расстрелять. Но удалось его отговорить.

Мы ушли в Зимний театр на рабочую конференцию, созванную культпросветом, по поводу социалистического строительства. К нам присоединился Долженко, которого Махно хлопал по плечу и говорил: «Ну, хорошо ты крыл вчера!»

Вчера (14-го ноября) в Зимнем театре был большой митинг, организованный культпросветом, обсуждался «текущий момент». Первым выступил Волин — председатель культпросветительного отдела РВСовета армии. За ним — Юрко (Медведев) — представитель партии украинских боротьбистов, который отчаянно критиковал действия Украинского правительства, находящегося в это время в Москве. За ним анархисты: М. Букин[763], Федько, Сорокин, Карташов, Кондратенко и Долженко. Долженко говорил:

— Товарищи! Совершается великое крестьянское дело. Едва ли в истории России найдется страница, подобная по сходству. Совершается и процветает мужицкая революция, народная революция, смелая, грозная и бесконечно красивая. И в то время, когда крестьянство, жертвуя своим состоянием, отдавая свои жизни на алтарь борьбы, когда стоит нанести один небольшой удар гнусным убийцам, бей, и все будет покончено, в это время рабочие города стоят в сторонке и безучастно относятся к борьбе, происходящей на их глазах, в исходе которой они очень должны быть заинтересованы.

Товарищи! Без жертв рабочего, без его усилий Повстанческая Армия освободила город и заявляет: вы, товарищи рабочие, являетесь единственными хозяевами города. Задачи нашей армии состоят лишь в том, чтобы оборонять и охранять город от возможного нашествия белых банд и от тех политических партий, которые стремятся монополизировать политическое и экономическое освобождение трудящихся. Все же остальное вы, рабочие, должны сделать сами. Пусть ваши организации немедленно возьмут в свои руки всю

хозяйственную жизнь города. Пусть каждым предприятием будут выделены фабрично-заводские организации, которые затем объединятся с такими же организациями других предприятий, а затем создадут Совет экономических организаций, Совет, который будет не политической организацией, у которой на первом месте забота, как бы устроить своих членов на властнические места, а истинно-боевым рабочим органом, который сумеет с помощью пролетариата наладить промышленность, восстановить транспорт и воссоздать разрушенное.

Весь город с его богатствами социализирован, и ни армия, ни политические партии, ни власть, а вы, рабочие пролетарии, являетесь хозяевами новой свободной жизни в безклассовом обществе. Стройте новое, без опеки политических партий!.. Тогда победа за вами! Одухотворенная социалистической самостоятельностью масс, Повстанческая Армия удесятерит свои силы и станет неприступной скалой, о которую разобьются отжившие свое время гнилые волны контрреволюции. Вдуйте горна и смело куйте свое счастье, создавайте свою культуру, обоготворяйте великие идеалы социальной революции!

Мы подходили к театру, когда участники конференции голосовали по вопросу «восстановление Советской власти», выдвинутом коммунистами-большевиками. Резолюция большевиков была отвергнута большинством — 46 против 21 голоса[764].

Конференция закончила свою работу, мы сели в автомашину и поехали к тюрьме. В городе было две тюрьмы старые и одна новостроящаяся. Мы их взорвали, а затем устроили митинг, призывая городской пролетариат, кому нужно, брать кирпичи на свою постройку. Вскоре в рабочие кварталы потянулись подводы, груженные кирпичем и лесом.

На обратном пути мы навестили управление городской самообороны. Она начала формироваться с момента вступления 13-го полка в город, с позволения штаба армии, который для целей поддержания общественного порядка выдал ей 200 винтовок. Город был разбит на семь участков-районов. Начальником охраны был Балабанов, его помощником Курьянов. В охрану принимались лица по рекомендации профсоюзов и других рабочих организаций. Балабанов рассказал о своей работе.

Вскоре мы ушли к коменданту города Дорожу, в распоряжении которого было главное управление самообороны.

Здесь узнали новость и подъехали к Государственному банку осведомиться в ее точности. У входа стояли два часовых с погонами. Они остановили нас окриком:

— Не подходи, пропуск!

Оказывается, наши так увлеклись военными делами, что не успели снять белогвардейскую охрану, отчего она продолжала нести караул. Вскоре караул убедился, кто мы и повинно сложил оружие. Тут же была назначена комиссия, которая во главе со мной конфисковала 310 млн. рублей бумажных денег разного достоинства и разных правительств, какие до этого бывали на Украине. Здесь были и украинки, и керенки, и донские, и одесские, и деникинские, и советские деньги. Все они были объявлены армейским достоянием, имевшим право хождения на занятой территории.

Кроме того, были найдены одесские «мастера», которые взялись печатать армии «керенки», любимые деньги крестьян и мещан. Но, получив солидный денежный аванс, ввиду отсутствия красок, они не отпечатали даже двадцати-рублевки.

Вечером, 16-го ноября провели заседание штаба и Реввоенсовета по вопросу контрибуции. Комиссия во главе со мной разработала проект, который отправили начальнику гарнизона, а он издал приказ:

«Приказ № 5.

По городу Екатеринославу и его окрестностям.

В силу невыполнения моего приказа за № 4 о контрибуции, объявляю для сведения и исполнения, что мною поручено Городской управе, совместно с 2-я военными представителями, немедленно приступить к сбору контрибуции, руководствуясь следующей раскладкой:

Торговцам по 1-му разряду — 35 000 рублей

2-му — 25 000

3-му — 10 000

4-му — 5 000

Промышленникам: по 1-му разряду — 25 000 рублей

2-му — 20 000

3-му — 15 000

4-му — 10 000

5-му — 6 000

6-му — 5 000

7-му — 4 000

8-му — 2 000

оклада, взимаемого Городской домовладельцам — в четыре раза больше управой.[765]

Контрибуцию внести в 3-х дневный срок со дня опубликования сего приказа. Лица, не внесшие причитающейся суммы в означенный срок, будут арестованы, а по истечении 24-х часового срока будут расстреляны. Приказ входит в силу со дня опубликования.

Начальник гарнизона — Лашкевич. Адьютант — Казютин.

Екатеринослав, Ноября 17 дня 1919 г.»[766].

Начгарнизона и комендант города, непосредственно подчинялись штабному, который проводил свои распоряжения по городу только через них и за их подписью, как местного военного руководства.

Тем временем, культпросвет, главным образом Волин, продолжал обрабатывать рабочие массы города. Митинги, конференции, собрания — проходили ежедневно и одновременно в нескольких местах. Он раскачивал рабочую самодеятельность, призывая профсоюзы социализировать орудия производства, транспорт и остальное багатство. Волин писал:

«Наступает зима.

Я не знаю, чем и как будут жить люди этой зимой. Жизнь иссякла окончательно. Жить нечем. Жить не на что...

Такой ужасной зимы, какую будет эта, население, несомненно, еще не переживало.

Быть может, хлеба, мяса, соли, овощей, сахара, топлива, одежды, обуви, денег и работы больше нет?

Какой вздор. Все это имеется, и имеется в достаточном количестве. И, затем, все это можно быстро воспроизвести — в количестве большем, чем надо.

Разве нельзя людям разрешить и уладить финансовый вопрос, когда денежные знаки имеются в громадном числе?

Ведь надо только, чтобы люди труда и совести — вместо того, чтобы пугливо жаться в стороне, молчать, думать каждый лишь о себе и идти на поводу у трусов, у бездельников и шарлатанов — надо, чтобы эти люди — подлинные рабочие и крестьяне, подлинно безработные, подлинная беднота — сами взялись за дело, столкнулись, условились, соорганизовались...»[767].

23-го ноября заседал Реввоенсовет, штаб и все комиссии. Реввоенсовет Повстанческой Армии (махновцев), как войсковая организация, не навязывала населению свои порядки. Под ее руководством выделялись комиссии по разным вопросам, которые кооптировались по выбору из общих собраний, а то и профсоюзов и фактически являлись исполнителями РВСвета. Так Александровский съезд, не вливая своих представителей в РВСвет, выделял комиссии, которые были при РВС, не входя в его состав.

Единогласно была принята резолюция по организации комиссии по делам контрразведки, помощи беднейшему населению, по снабжению и распределению ломбардного имущества, а также рассматривались вопросы: размещение в больницах гражданских больных с выдачей им по возможности, достаточного пайка, выделение продовольствия семьям медицинского персонала; всем командирам направлять больных только на распределительный пункт (старое здание английского клуба), откуда они будут направляться в лазареты; возложить ответственность на санитарную комиссию за больных, не помещенных в лазареты[768].

Кроме этого заседанием был решен вопрос отпуска денег на содержание приютов, безработных, школ, бань, больниц и т. п.

27-го ноября в том же Зимнем театре состоялась конференция по вопросу «О ближайших задачах общественно-экономического строительства». В конференции участвовало свыше 2 500 человек. Прошла она весьма шумно и приняла резолюцию о скорейшем созыве широкого съезда представителей от всех организаций для выражения ряда острых вопросов[769].

Екатеринославские меньшевики, тогда руководившие, как и в Александровске, профсоюзами, предлагали конференции принять их резолюцию. В ней говорилось, что рабочий класс недостаточно вырос для социализма и что, вообще, он нуждается в «здоровом капитализме». Они выдвигали свой избитый лозунг Учредительного собрания и, конечно, были рабочими освистаны.

Коммунисты-большевики доказывали, что власть в городе не уничтожена, что вместо планомерной организации государственного аппарата, в котором все детали организма соответствуют основным принципам диктатуры пролетариата на деле не устранены и неизменно развиваются. Но неограниченная военная власть махновщины, правящая без всякого определения плана и системы, нарушает единство пролетариата и мешает его классовой борьбе. Выдвигая «Вольный Советский Строй», махновщина притупляет сознание промышленного рабочего, не будучи в состоянии объяснить туманных представлений о конечных целях. Ставка на «мужицкую» революцию привела махновцев к кустарничеству, а расплывчатость внеклассовой идеи приводит к отрицанию социализма. Рабочему классу надо гнать меньшевиков и эсеров из своих организаций. В мощном величии надо проявить диктатуру пролетариата, организуя Советскую власть.

Однако конференция прошла под влиянием анархистов.

28-го ноября состоялось заседание Реввоенсовета и штаба. На повестке дня стояли вопросы местного, городского значения, которые были разрешены следующей резолюцией:

«1. Организовать военно-врачебную Комиссию, каковой подчинить Санитарную Комиссию. В состав военно-врачебной Комиссии входят представители от Санитарной Комиссии и комсостава. Комиссия ведает санитарным контролем, выпиской из лазаретов, отпуском повстанцев по болезни.

2. На основании доклада Комиссии по пособиям, отпустить 525 тысяч рублей для ремонта, прокормления и содержания приютов, а также добавить субсидию 25 тысяч рублей на содержание и снабжение медикаментами приютской больницы, ввиду массового заболевания детей.

3. Заслушав доклад рабочих и служащих городского-водопровода, постановили: затребовать списки и уплатить жалование за время пребывания махновцев в городе»[770].

Здесь же зав. культурно-просветительным отделом Реввоенсовета тов. Волиным был поднят вопрос относительно рабоче-крестьянского съезда на занятой территории. Заседание, кроме пожелания ему успеха в деле съезда, высказывалось о необходимости согласовать

вопрос с профсоюзами о проведении предсъездовской кампании в городе, а равно поручить комиссии Александровского районного съезда, находившейся при Реввоенсовете, провести кампанию по селам.

Волин говорил, примерно, следующее: «За последнее время культурно-просветительному отделу Реввоенсовета удалось провести много рабочих конференций, но толку с того достигнуто немного. Экономическим начинаниям мешают меньшевики, засевшие в профсоюзах. Они всячески провоцируют наши лозунги, заражая эгоизмом рабочие массы города. По вопросу охраны города было две конференции и одно совещание, но реальных результатов мало. Наша армия имеет свои военные задачи: охранять население от белогвардейщины и не позволять политическим партиям экспериментировать насилием над массами. Она не имеет административного аппарата и не восстанавливает его в силу анархической идеологии. Ею выдвигаются экономические лозунги безклассового общества, она не насилует пролетариат, который, как класс, утратил свое значение с объявлением социализации богатства страны и перехода орудий производства в руки экономических организаций. Слишком остро стоит перед ним вопрос о безработице и ресурсах Реввоенсовета. Вы знаете, как недостаточна сумма в 310 млн. рублей, изъятая из банков, она на исходе. Объявленная городской буржуазии контрибуция в 15 млн. рублей еще не поступила в комиссию и вряд ли она полностью поступит. К тому же население требует кредитные билеты: украинские и все другие, за исключением советских — вот в чем беда», — говорил Волин.

Действительно, организации и частные лица городов и сел бойкотировали совзнаки. Как я упоминал, нам достался деникинский банк, в котором были деньги всех правительств, какие только были на Украине. Деникин аннулировал деньги советские, украинские, одесские, ростовские и даже крестьянские. Они целыми тюками долгое время покоились в банке, а затем достались нам. К этому времени село экономически истощилось, в силу постоянного пребывания армии на его территории, жившей за счет добровольных сборов продовольствия и фуража. Село требовало от нас уплаты деньгами, какие были в ходу и к каким здесь привыкли. Особенно они любили керенки, а их в банке было очень много. Поэтому, идеологически признавая, что всякие деньги, каких бы правительств они ни были, с переходом на товарообмен, не имеют абсолютно никакой ценности, мы решили, как пустые бумажки, распространить их в народе, только бы не испортить хорошего к нам отношения крестьян.

роенные[771] обстоятельства нам диктовали идти против нашей воли и в приказах на этот счет было объявлено по городу Екатеринославу, Никополю и другим городам, что «к приему подлежат деньги — кредитные билеты романовские, керенские, советские, украинские, думские, донские и купоны всех образцов и купюр». Но, этим нельзя было разрешить дело армейского снабжения, и наши конфликты с населением не прекращались. Все упомянутые деньги население расценивало по-своему, а именно: стоимость царского рубля была равна двум рублям думским и керенским, трем рублям украинским, пятнадцати рублям донским и одесским и тридцати пяти рублям советским.

Это ставило нас в невыгодное положение, ибо советских знаков у нас было свыше семидесяти процентов. И мы решили распространять их принудительно. По городу был

издан приказ № 6, где указывалось, что «совзнаки подлежат приему наравне с николаевскими. Организации и лица, не принимающие совзнаков, подвергаются экспроприации, то есть товары их реквизируются»[772].

В результате, совзнаки принимали, чем наносили ущерб романовским, керенским, украинским и прочим. Нам стоило больших трудов уговорить рабочих получать совзнаками за ремонт орудий и пулеметов, а также покушать товар, продовольствие, фураж...

Пленум Совета профсоюзов постановил: «...Избрать из состава Совета Союзов Комитет по борьбе с безработицей из 5-ти лиц, которым поручить: а) выработать инструкцию, регулирующую выдачу помощи безработным и предоставить ее на утверждение пленарного заседания; б) оказывать медицинскую и материальную помощь безработным»[773].

«Недостаточно помогать рабочим, которые организованы в Союзы, — говорил Волин. Кроме них, десятки тысяч безработных, не входящих в эти союзные организации, они также нуждаются в помощи. Но, союз не берется за это дело и нам следует выделить комиссию, организовать аппарат и самим помочь несчастным».

Предложение Волина было принято: комиссия избрана. В ее распоряжение поступило пока 3 млн. рублей на раздачу безработным, не вошедшим в профсоюзные организации. В этот же день Совету Профсоюзов было выдано 10 млн., за которые они должны были отчитаться перед Реввоенсоветом.

Екатеринославский губком в своем отчете Зафронтбюро ЦК КП(б)У сообщал:

«...Из собранных сумм, согласно показаниям нашего тов. Семена Новицкого[774], 3 000 000 руб. было отпущено в гор. Екатеринослав для раздачи бедному населению, выпущенным из тюрем и семьям красноармейцев...»[775].

Непосредственный свидетель этому так описал происходившее:

«...Эта раздача денег населению производилась в довольно широких размерах. Было предварительно объявлено, что беднейшее население может приходить в Штаб Повстанческой Армии имени батьки Махно за материальной помощью — требовалось только принести с собой паспорт, чтобы можно было судить об общественном положении просителя. Безработица и нужда в городе была ужасная, несмотря на сравнительную дешевизну (даже тогда фунт белого хлеба стоил 5-6 руб., при добровольцах 3-4 руб.), и немудрено, что с раннего утра у штаба на Екатерининском проспекте толпились тысячи жаждущих «выдачи». Впускали по очереди, по одному, в отдел социального обеспечения. Здесь один из членов Реввоенсовета, анархист-интеллигент (по-видимому, из сельских учителей) просматривал паспорт просителя, задавал вопросы, чтобы выяснить степень нужды, назначал размер пособия и записывал в книгу как фамилию просителя, так и цифру пособия, а сидевший за другим столом кассир доставал из лежавших на полу мешков деньги и отдавал просителю, не требуя никакой расписки. Размер пособия достигал иногда, если проситель или просительница (исключительно жены и вдовы рабочих) представляли веские доводы, довольно значительную по тому времени цифру — до тысячи рублей: на такие деньги целая семья могла просуществовать с избытком более месяца. Выдача пособия

беднейшему населению производилась махновцами до последнего дня их пребывания в городе.

Таким же путем была оказана помощь городским детским приютам: выдано деньгами около миллиона рублей и, кроме того, немало продуктами — мукой, салом и колбасой. Надо отдать справедливость махновцам после добровольцев приютские дети в течение месяца «подкормились»[776].

30 ноября 1919 г. состоялось заседание Совета профессиональных Союзов. 24 делегата представляли 14 Союзов. В повестке дня были рассмотрены вопросы о рабоче-крестьянском съезде и профсоюзах, доклад Исполнительного Комитета о мероприятиях в связи с созданным положением, организация помощи безработным и др.

В это же время Реввоенсовет постановил усилить работу по созыву общего рабоче-крестьянского (губернского) съезда, который должен состояться 25-го декабря 1919 г.

На заседании я почувствовал себя плохо и, прийдя на квартиру, слег на две недели — возвратный тиф.

В освобожденном нами Екатеринославе свободно издаются газеты различных партий: «Путь к Свободе»[777] и «Шлях до Волі» — орган революционных повстанцев (махновцев) и «Набат» — орган Конфедерации анархистских организаций на Украине «Набат», «Звезда» — орган Екатеринославского губкома компартии, право-эсеровская «Народовластие» и лево-эсеровская «Знамя Восстания». Газетные споры в постоянно обстреливаемом городе, разлагающе действовали на армию, без того поредевшую от эпидемии тифа.

В связи с заговором против повстанцев, Махно решил закрыть «Звезду» и арестовать всех большевиков. Был поставлен на ноги Реввоенсовет, штарм и нам удалось уговорить «своих» не закрывать «Звезду» и не разгонять большевиков.

Заговор был раскрыт. Помощник командира 3-го Крымского полка Огарков[778] был втянут в большевистскую затею о поднятии в махновской армии восстания в пользу Советской власти, он рассказывал, что имея тесное общение с Полонским, все знал и аккуратно передавал в штарм. Как только был занят Екатеринослав, большевики организовали «ревком» во главе с Павловым, который руководил работой в городе и в 13-ом полку. Им завербована полковая пулеметная команда и английская батарея (бывшие красноармейцы со своим старым командным составом). Кроме того, в 3-м Крымском полку, его командир, Полонский, ведет агитацию о свержении штаба и Реввоенсовета, подкупает батарею Белочуба[779]. Цель приезда в Екатеринослав Полонского — отравить Махно, подкупить докторов, которые должны, в свою очередь, отравить видных махновских больных командиров и затем захватить армейское руководство.

Член Екатеринославского большевистского губпарткома Коневец (Гришута) писал:

«...На заседании полулегального александровского комитета, на котором присутствовали тов. Павлов (Миркин), Клавдия Даниленко, Коневец (Гришута), Петро Новицкий (член РВС махновцев), Полонский, Андрей Орлов (впоследствии расстрелянный ГПУ в гор. Харькове,

как провокатор-белогвардеец), был разрешен вопрос о том, что мобилизуемые нами, под руководством нашего ревкома, отряды должны будут явиться в Стальной полк, командиром которого был сам т. Полонский.

Решено было также организовать ячейки в других махновских частях и были выработаны соответствующие инструкции...

...Для начала работы мы получили от тов. Полонского 25 000 рублей «керенками»; дополнительно для изыскания средств были выделены тт. Гришута и Миркин (Павлов), которым было поручено произвести заем у александровской буржуазии в счет контрибуции...»[780].

Другой член Екатеринославского губпарткома Левко (Четолин) писал в отчете Екатеринославского губкома в Зафронтбюро ЦК КП(б)У:

«...К 18 октября вокруг тов. Полонского (командира 3-го Крымского полка) была создана группа товарищей, занимающих ответственные посты в армии.

Начали организовывать ячейки по инструкциям Александровского бюро (согласно инструкции ячейка обязана быть в курсе всех административных, оперативных и хозяйственных распоряжений и быть готовой в нужный момент принять руководство своей части, если командный состав не соответствует).

Работа проводилась, безусловно, нелегально, но шла весьма и весьма успешно...

Подготавливалась работа по вопросу слияния приближающихся красных с повстанцами...

В то же время губпартком, выпуская ежедневно партийный орган «Звезду», не стеснясь вел открытую борьбу с анархо-махновцами, с их безвластничеством, побуждая рабочих противодействовать Махно и готовиться к близкому приходу красных советских войск...

В то же время Махно, ведя против нас агитацию, не принимал против губкома и организации никаких решительных мер...

В это время, к началу ноября, в Екатеринослав; несмотря на наши протесты, приехал тов. Полонский, а за ним еще несколько товарищей из Никопольского уревкома. Екатеринославский губревком немедленно связался с Полонским, получив от него свежие информации...»[781].

Член Екатеринославского губпарткома Вл: Мирошевский дополнял картину:

«...Через два дня после вторичного занятия Екатеринослава мы возобновили выпуск ежедневной партийной газеты «Звезда». Газета начала энергичную кампанию против анархистов и «Набата», «Путь к Свободе»и «Шляха до Волі»»...

Началась усиленная (конечно, строго конспиративная) работа и в повстанческой массе...

Нами был создан нелегальный армейский комитет, настроенный весьма агрессивно по отношению к «батьке» и неоднократно добивавшийся у губкомпарта разрешения произвести военный переворот. Стоило большого труда удержать армейцев от решительных шагов, которые могли преждевременно разложить повстанчество...»[782].

О провале акции Коневец (Гришута) писал:

«...На заседании Губкома был заслушан его (Полонского — А. Б.) доклад о состоянии нашей коммунистической работы в армии и были отмечены большие успехи в смысле укомплектования командного состава партийцами.

Во время заседания к нам явился какой-то товарищ, назвавший себя представителем ЦК КП(б)У Захаровым и в подкрепление сего, предъявивший чрезвычайно большие мандаты на холсте, в которых говорилось о том, что он послан якобы для руководства вооруженными отрядами в тылу. Не сомневаясь в правильности этих документов, мы его ввели в курс наших дел, так как с этого дня задача наша сводилась главным образом к подготовке наибольшего количества махновских частей к переводу в ряды Красной Армии...»[783]

Присутствовавший на заседании губкомпарта Захаров был махновским контрразведчиком, выполняющим задание начальника армейской контрразведки Голика. И Голик докладывал, что будто бы последнее совещание большевиков решило устроить пирушку в доме Полонского в честь именин его жены, куда пригласят Махно и других видных и ответственных махновцев, которых постараются угостить отравленным коньяком.

Ситуация была сложной. Последние сведения о большевистском заговоре требовали проверки и осторожности.

Исключая 35 тысяч больных, армия тогда насчитывала в своих рядах около 40 тысяч бойцов. Из них около 70 процентов махновцев и сочувствующих, в том числе 5 процентов анархистов; 20 процентов сочувствующие эсерам и петлюровцам и лишь 10 процентов бывших красноармейцев, в том числе 1 процент коммунистов-большевиков. Переворот казался мишурой и карточным домиком. Правда, раньше мы знали, что ревком ставил своей целью предотвратить столкновение при встрече нашей армии с красной. С этой целью т. Павлов организовал комячейки, где только было возможно, то есть в 13-м, 3-м пехотном полках и английской батарее. Они должны развертывать идею примирения повстанцев с красноармейцами, которые продвигаются из-под Орла на Украину. Таким образом, повстанцы должны будут вливаться в красные полки — и только. Никакого террористического заговора над верхушкой махновщины не было, никакого отравления до настоящего момента не наблюдалось. Командир 13-го полка Дашкевич (бывший коммунист) сам следил за комячейками в 13-м полку и раньше требовал их удаления. Но мы это запрещали. 3-й Крымский пехотный полк стоял в г. Никополе и подчинялся 2-му корпусу. Полонский 11 ноября 1919 г. был штатом назначен начальником боевого участка 2-й линии фронта Никопольского направления, а коммунист Н. Бродский 15 ноября — начальником Никопольского гарнизона. За коммунистическую работу и халатность в отношении больных 25-го ноября они были отстранены от должностей и начгарнизонам был назначен эсер Шубин, а начбоеучастка Володин. Полонский оставался только комполка 3-го Крымского. Он

с Бродским самовольно оставил полк и приехал в Екатеринослав, не спросивши штарм, который за это в приказе от 30-го ноября объявил им строгий выговор.

Разумеется, полученные сведения о деятельности губпарткома большевиков и о Полонском держались в секрете. Дальнейшие события стали развиваться по описанному Голиком сценарию.

В Екатеринославе было большое совещание командиров, затянувшееся за полночь. После совещания Полонский пригласил Махно и еще несколько командиров и членов РВСовета к себе на квартиру, на ужин по случаю именин жены[784]. После ухода Полонского оставшиеся члены штаба повстановили: «Произвести обыск на квартире Полонского и задержать всех, кто там будет».

Вместо гостей к Полонскому пришла команда контрразведчиков, под руководством Семена Каретникова и арестовала Полонского, Вайнера, Бродского, Белочуба и жену Полонского. Были обнаружены вино и коньяк, которые отдали на анализ.

По заверению Махно и других, экспертиза установила наличие сильного яда в двух бутылках.

На квартире была устроена засада, которая арестовала пришедших туда Азархова, Семенченко, Иванова и Азотова, у которого нашли документы губпарткома, проливающие свет на это дело.

Около дома были арестованы еще человек десять подозрительных, которые оказались коммунистами[785].

Группа коммунистов требовала у Махно гласного суда над Полонским и остальными. Но Махно заявил, что военное командование вольно само распоряжаться судьбой изменников. Мои, Аршинова, Волина, Алого и Чубенко усилия остановить руку палача ни к чему не приводили. В самом штарме мнения разошлись. Некоторые поддерживали и требовали освобождения всех арестованных, особенно Белочуба и жены Полонского, которая недавно родила дочь[786]. Но гуляйпольцы настаивали на расстреле.

Контрразведка провела следствие, составила протокол и вынесла постановление, но за отсутствием полного текста привожу только некоторые строки из него, хотя описанный выше материал дополняет общую картину:

В нем говорилось:

«По постановлению военно-полевой контрразведки, утвержденному командирами Донецкого и 3-го Екатеринославского корпусов расстреляны приехавшие под видом болезни из Никополя: 1) командир 3-го Крымского повстанческого полка ныне Стального кавалерийского Полонский; 2) бывший большевистский инспектор, засевший в упомянутый полк и разлагающий движение, адъютант Полонского, подпоручик Семенченко; 3) бывший председатель большевистского трибунала при Екатеринославском полку, Вайнер и 4) сожительница Полонского — актриса, взявшая на себя обязанность отравить батьку Махно.

Основание расстрела: протокол контрразведки от 2 декабря 4 часа дня 1919 года».

В этом «основании расстрела» махновская контрразведка указывает такие преступления расстрелянных: «заметили, что Полонский окружил себя партийными коммунистами-большевиками, что-то тайно выработывает противное повстанчеству», при этом оказалось, что его «окружают коммунистические палачи», распинавшие махновскую дивизию в мае и июне месяцах 1919 г. Кроме того, обнаружили, что Полонский «посылал своего адъютанта подпоручика Семенченко по адресу, указанному и подписанному бывшим большевистским председателем трибунала Вайнером», в Москву с письмами для связи, в которых указывает, что полк, хотя и переименован в Повстанческий «но все такие же, как были, ждем сами знаете чего». Далее говорится, что все коммунисты не только хотели захватить власть в Никополе и подготавливали переход полка «в армию коммунистов-большевиков», но также решили уничтожить махновских командиров «и в первую очередь батьку Махно, смерть которого, по мнению заговорщиков, верна может быть только от руки женщины». Для убийства Махно «сожительница Полонского должна при первом удобном случае пригласить командира на вечеринку и отравить»[787].

Белочуб был освобожден, а Полонский, его жена, Семенченко, Вайнер и Бродский по дороге в контрразведку были расстреляны у Днепра А. Лепетченком, Василевским и С. Каретниковым.

По своему положению Махно не имел никакого права расстреливать коммунистов без общего на то согласия «гуляйпольского союза анархистов». Последний расстрел коммунистов породил в «союзе» недовольство по отношению гуляйпольцев, и единство начало расшатываться. Махно был вызван на заседание Реввоенсовета, который требовал отчета за расстрел. Но Махно заявил:

«Тот, кто выступает против повстанцев с оружием в руках, пропагандой шепотом, с агитацией и заговором в период окружения нас деникинцами, воюет за Деникина... И если какой подлец посмеет требовать отчета, вот ему!» — указал на маузер. Волин протестовал, обозвав Махно «Бонапартом и пьяницей». Махно выругался и оставил заседание.

Но Реввоенсовет не удовлетворился этим и для расследования дела выделил комиссию, в состав которой вошли: Волин, Уралов и я. Мы в этом случае остались верны анархическим принципам свободы.

Губкомпарт и вообще коммунисты гонениям не подвергались и со своим органом газетой «Звезда» продолжали быть легальными и далее, то есть до 19-го декабря.

Примерно в это время РВС 14-й Красной Армии отправил телеграмму в адрес ЦК РКП(б), редакциям газет «Правда», «Беднота», «Известия ВЦИК»:

«Центральная печать, особенно “Беднота”, подчеркивает роль Махно в восстаниях масс на Украине против Деникина.

Считаем необходимым указать, что такая популяризация имени Махно, который по-прежнему враждебно настроен против Советской власти, влечет за собой в рядах армии

нежелательные симпатии к Махно.

Особенно опасна такая популяризация при нашем продвижении в повстанческий район...»[788].

Большевики постоянно прилагали немалые усилия, чтобы любым путем изолировать анархистско-повстанческие идеи от гласности.

13-го декабря 1919 г. мы с Волиным выехали в расположение 2-го и 4-го корпусов. Но дороги раскисли, автомобиль не пошел дальше Сурско-Литовского: Волин вернулся обратно, а я поехал верхом. Везде по селениям лежали больные тифом повстанцы и местное население. Казалось, нет здоровых, способных ухаживать за несчастными.

В Никополе тиф особенно свирепствовал. По улицам валялись трупы, лазареты и дома были заполнены больными. На кладбище тысячи умерших лежали грудями, и никто из властей не подумал их хоронить. Пришлось заменить начальника гарнизона и коменданта, назначить других, которые, получив 15 миллионов рублей на оборудование новых лазаретов, принялись за дело.

Здесь находилась контрразведка 2-го корпуса, которая накануне арестовала большевиков и конфисковала их листовку. Я распорядился, чтобы немедленно освободили арестованных и возвратили листовку. Но контрразведчики не соглашались, ссылаясь на показания Махно. Тогда я отдал письменное предписание и только после этого они подчинились.

В Никополе были Дерменжи и Голик, первый отвечал за телеграфную связь, второй — за контрразведку, с ними я выехал в штаб 4-го корпуса, в Ново-Воронцовку, а затем в г. Берислав.

В 4-ом корпусе было очень много больных, но не доставало медикаментов и медперсонала.

Тем временем, Красная Армия развивала наступление и заняла 1-го декабря Прилуки, Сумы; 9-го — Бердичев, Богодухов, Валуйки; 12-го — Харьков; 13-го — Полтаву, 16-го — Киев, Купянск и Ромодан[789].

3-й корпус генерала Слащева наступал по линии Верхнеднепровск – Каменское. Нежданно-негаданно он навалился на Екатеринослав и, пользуясь беспечностью Махно, 19-го занял город. Больные повстанцы бежали в исподнем белье, укрывшись простынями, а здоровые не в силах были перейти в контратаку, ибо отсутствовало армейское руководство. Так, 1-й Донецкий корпус сдал Екатеринослав и на другой день откатился на 35 верст южнее.

21-го декабря Махно по телеграфу разыскал меня в г. Бериславле. Я поспешил выехать в штаб.

Накануне Махно посетил Никополь и без причины расстрелял 12-ть левых эсеров, в том числе и мною назначенных начгарнизона и коменданта. Он обвинил их в измене повстанчеству и антисанитарном состоянии города. Однако делу не помог: смертность возрастала, армия разлагалась и таяла с каждым новым днем.

Двадцать третьего декабря я был в штарме и производил реорганизацию полков 1-го корпуса. Вскоре удалось сгруппировать два кулака: пехотный и конный, которые на рассвете 24-го выступили против белого 3-го Крымского корпуса. Слащев конными частями (бригадой донцов генерала Морозова, бригадой чеченцев Склярова и одним сводным чеченским полком) действовал западнее Екатеринослава, а пехотой (13-й, 34-й стрелковыми дивизиями и 1-м Кавказским и Славянским полками) — со стороны Екатеринослава.

Махно с пехотой 1-го корпуса двигался на Екатеринослав и к обеду занял Сурско-Литовское. Выделив отряд Петренка, который, перейдя Днепр, занял ст. Игрень, стремясь преградить путь Слащеву на Синельниково, я вышел с корпусной конницей на Михайловское и вступил в бой с конницей Слащева. Численность нашей бригады не превышала 2 000 сабель, а противника 2 500. Он пасовал и после одной атаки начал удирать на Карнаухове кие хутора, где снова попытался перейти на нас в контратаку. Но мы его погнали дальше, на ст. Александровск, изрубив до 100 человек и захватив восемь орудий. В три часа дня мы заняли ст. Сухачевку, изрубив роту бригады генерала Васильченка, а вечером закрепили Диевку и с западной стороны налетели на Екатеринослав. Однако взять его не удалось, ибо лошади настолько устали, что еле передвигали ноги, отчего мы отошли в д. Краснополье, чтобы подкормить лошадей, дать всем отдых, а по утру снова атаковать город.

Тем временем, Махно возился с пехотой и не мог продвинуться дальше Сурско-Литовского. Кроме корпусной пехоты, в его распоряжении оставалась кавалерийская сотня и пулеметный взвод (30 пулеметов). Как только стемнело, в момент, когда мы занимали Диевку, он зашел противнику с тыла и ударил его между городом и Сурско-Литовским. Пехота Слащева бежала в город, оставив до четырехсот зарубленными, семь кухонь, три орудийных передка, четыре орудия и обоз.

В это время Петренко занял Нижнеднепровск. Таким образом, Слащевский корпус был стиснут в Екатеринославе со всех сторон. Еще один нажим — и он ликвидирован. На рассвете 25-го декабря наши части окружили Екатеринослав.

Я оставался в Краснополье, куда приехал Махно и взял меня с собой, но по дороге меня начало лихорадить и я в третий раз заболел тифом.

Военная обстановка складывалась в пользу Красной Армии. Она беспрепятственно продвигалась на Украину и 24-го декабря заняла ст. Лозовую Казатин, а 26-го г. Славяносербск[790].

Две шкуровские дивизии (первая и вторая), действовавшие против нас на участке Александровск – Екатеринослав, самовольно 21-го декабря слились и ушли на Ростов. Таким образом, мы без боя могли двигаться на восток, если бы не вклинился в Екатеринослав Слащевский корпус, стиснутый со всех сторон повстанцами.

26-го он сгруппировал свои полки и, отбросив пехоту 1-го корпуса от Екатеринослава, прорвался на Александровск, 27-го он внезапно набросился на Кичкасский мост и, захватив 5 орудий 2-го корпуса, по льду перешел Днепр.

28-го 2-й корпус занял г. Александровск, а отряд Петренка, через г. Екатеринослав прибыл на Хортицу, где сам Петренко заболел тифом. 29-го он с Махно прибыл в Никополь. Здесь было дано распоряжение Крымскому корпусу и 3-му полку развивать наступление в Перекопском и Николаевском направлениях. Был назначен новый комендант г. Никополя — командир Нестеровского полка — Скалдицкий. 30-го Махно уехал на Александровск, а мы с Петренком остались болеть в Никополе.

Части 4-го Крымского корпуса двумя группами продвигались на юг: Павловский — на Николаев, Володин — на Перекоп. Крым был незащищен, и Слащев, оставив 8-го января г. Мелитополь, спешил занять Перекоп и Сальково, что ему удалось раньше Володина.

Уход шукурцев и Слащева с нашего участка (первые на Кавказ, второй — в Крым) дали возможность штабному (махновской) распространяться в восточном направлении. Части 1-го и 2-го корпусов группировались в районе Александровска, когда 14-я Красная Армия соприкоснулась с нашим северным участком.

27-го декабря красные части заняли Миллерово, Луганск, Славянск, Золотоношу и Полтаву[791]. В этой связи газета «Коммунист» писала:

«Полтава, 27/XII. Губревком конфисковал первый номер газеты анархистов-повстанцев за погромное направление и призывы к борьбе с коммунистами.

Закрывается также газета максималистов»[792].

А в оперативном донесении штаба 14-й армии от 30 декабря 1919 г. говорилось:

«...Харьковский район. Латышская дивизия — без перемен, борьба с партизанами. 45-я дивизия — обезоружен отряд Дьявола, он же Махеев, главари арестованы, захвачен нарочный [с] шифрованным письмом к Махно. Мелким бандам приказано явиться и сдать оружие. Результаты пока незначительные — явилось только несколько десятков человек. Командир 1-го Новомосковского партизанского полка дал обещание собрать партизан 1-го и 2-го Новомосковских полков в ряды Красной Армии. Чернятинский полк отказался влиться в дивизию; по непроверенным сведениям, он разоружен.

Разослана подобная инструкция всем политработникам по вопросу об отношении [к] Махно и махновщине. Реввоенсовет армии приказал вести самую жестокую и беспощадную борьбу против бесчинствующих банд»[793].

Судя по этой сводке красные войска уже были заняты борьбой с повстанцами-махновцами, которые своей борьбой с белыми обеспечили беспрепятственное продвижение красных на юг. Украинская деревня встретила эти войска хлебом-солью. Но командованию, например, 45-й дивизии (комдив И. Якир) нужны были боевые победы, и они их фабриковали.

Итак несколько подробней об отряде Дьявола, упомянутом выше оперативном донесении, словами самих командиров 45-й дивизии.

«Декабрь 1919 г.

Красная Армия лавиной катится за Деникиным. Продвигаемся к Полтаве. Юг! Юг!

Январь для нас, северян, кажется весной. Война “подводная”.

Деникин быстро удирает. Вся армия катится на подводах. Наша бригада тоже.

Пестрые картины. Вот 397 полк ведет верблюдов.

— Что это вы ведете?

— Коммуну ведем.

Красноармейцы пугают крестьян “коммуной”, но никто уже не боится коммуны. Нагляделись белогвардейских ужасов. Наш батальон китайцев вызывает любопытство, страха нет.

В каждой деревне митинги. Коммунисты говорят о крестьянине-середняке: “Не смей командовать крестьянами”. Крестьяне довольны, не знают, как лучше встретить, чем угостить.

— Ходя, ходя, иды до мэнэ, погрійся, — радушно встречают красноармейцев-китайцев крестьяне.

У хлопцев после Питерского порциона из пары вобл аппетит небывалый. Желудки не выдерживают напора вареников, сала, колбас и прочей украинской снеди.

...На завтра готовится бой. Крестьяне-подводчики сообщили, что в хуторах казаки, пулеметы, артиллерия, громадные обозы награбленного у крестьян добра. В округе повстанцы-партизаны кишмя кишат. “Кадетам” спать не дают.

Там — “Лихо”, — здесь “Шило”, а недалеко от Дмухайловки засел “Дьявол”.

Еду к “Дьяволу” для установления связи. Скоро ночь. Подъезжаю к деревне... “Стой”. Выскочили вооруженные люди из-за хат. Темно, ничего не видно.

Повели в хату, оттуда в штаб. “Дьявол” — анархобандит-махновец.

Беседуем.

— У вас свободы нет, к вам не пойду, — говорит атаман.

Парень молодой, но и “прожженный”. Одет в генеральскую шинель на красной подкладке, сбоку кавалергардская, блестящая сабля, с красным тямляком, на голове смушковая серая шапка набекрень.

— У вас, — говорит, — дисциплина, куете новые цепи рабочему классу»[794].

Более подробно этот эпизод описал комбриг 1 45-й дивизии.

«24-1-20 г. бригада вступила в район Дмухайловские хутора — Варваровка - Вузовка (сев. Екатеринослава).

В районе Дмухайловских хуторов слышна редкая ружейная стрельба. Выезжаем к авангарду бригады, где нам представляется следующая картина. В бинокль хорошо видна жиденькая цепь отступающих и отстреливающихся пехотинцев, на которых насаждают кавалерийские части. Через некоторое время батальон 398 полка пропускает себе в тыл отступающую цепь и, построившись в каре, принимает на себя большой кавалерийский отряд из чеченцев и мобилизованных, входивших в состав слащевской группы...

После двухдневных боев с частями бригады отряд слащевцев разбит и окончательно рассеян...

Отступавшая пехотная цепочка — части 1-го и 2-го Новомосковского, партизанских полков, которыми командовал “Дьявол”(такова была кличка его) — представитель армии Махно в Новомосковском районе. Партизанами этих полков была молодежь, преимущественно Новомосковского уезда и ближайших сел.

Мы плохо знали о действиях махновских частей в тылу деникинской армии, точное расположение их нам было неизвестно. По тем слухам, которые до нас дошли, деникинцы вывели совершенно из строя эту армию. Во всяком случае, встреча с махновцами в этом месте была для нас полной неожиданностью.

Бригада подспела вовремя. Пребывание в деникинском тылу в течение длительного времени, непрерывные бои с белыми совершенно обессилили партизан. Боевые припасы и прочее снаряжение истощились. Бой под Дмухайловскими хуторами — опоздай мы с приходом — мог быть для партизан, а вместе с ними и для населения этих районов, роковым...

Отсюда понятна та неопишуемая благодарность как самих партизан, так и населения к тем, кто принес им спасение и избавление от белых.

Части дивизии за время пребывания на севере прошли основательную школу. Южный переход создал закаленные кадры бойцов, которые воспитывали влившееся в дивизию пополнение...

Несколько дней, проведенных в районе Дмухайловских хуторов, были буквально триумфом для наших частей.

Перед нами встал вопрос, как быть с партизанами? Указаний на этот счет не было никаких. Надо было решать вопрос самим, и мы назначили встречу с командиром партизан “Дьяволом”.

Средних лет, с необыкновенно энергичным лицом, красивый, высокий, уже с проседью, брюнет, “Дьявол”, по его словам был рабочим тульских заводов. По политическим убеждениям принадлежал к федерации анархистов-коммунистов, отбыл несколько лет на каторге. Политически довольно развит, пользовался большим влиянием в отряде. Население

оказывало ему поддержку. В разговоре мы касались политического положения страны, политики Советской власти. Моя агитация сводилась к необходимости единого выступления всех трудящихся под руководством коммунистической партии для окончательной победы над контрреволюцией. Предлагаю ему вместе с частями влиться в состав дивизии. Разговор продолжался всю ночь. “Дьявола” убедить не удалось. Он до мозга костей анархист и не мыслит себя в рядах организованной части. Все же семя сомнения было брошено. Мы решили на утро созвать митинг партизан для того, чтобы решить вопрос о вступлении их в ряды Красной Армии.

“Дьявол” обещает нейтралитет.

Помню это собрание в школе. Четыре часа мы митинговали с партизанами. Митингу предшествовала длительная индивидуальная обработка, ее вели не только среди партизан, но и их родных. Каждая хата, где были расположены красноармейцы, представляла собой агитпункт, и работа велась там до глубокой ночи. Правда, наша задача была не столько в том, чтобы убедить партизан влиться в ряды Красной Армии, сколько в том, чтобы разъяснить крестьянам политику Советской власти.

Благодаря поведению белых, крестьянство видело в махновцах своих защитников. Оно укрывало махновцев, всячески помогало им, жестоко расплачиваясь за это. Кроме махновцев, в этих районах оперировали немногочисленные петлюровские части. Но они были близки крестьянству лишь постольку, поскольку объявляли себя врагами Деникина: идеологически же они были чужды крестьянству.

Ни идея независимости Гуляйпольской Республики, ни самостийная Украина не были понятны трудящемуся крестьянству, а следовательно и неприемлемы, и все же к Советской власти оно относилось, если можно так выразиться, испытующе. В памяти были реквизиции, головоотяпство и своеволие местной власти, дезорганизованные отходившие под давлением белых, красноармейские части, также не оставившие особо лестных воспоминаний.

Крестьянство присматривалось к нашим частям, в которых видело представителей Советской власти, носителей ее идеалов...

Бригада уходила, вливши в свои ряды партизан Новомосковского района. Сам командир “Дьявол” благословил партизан на вступление в Красную Армию, и, получив пропуск, тепло попрощавшись с нами, покинул район бригады.

Далеко уйти ему, однако, не удалось. Командир 3-й бригады нашей дивизии тов. Голубенко взял под сомнение целесообразность моего поступка. Он отправил “Дьявола” в штаб дивизии.

Остальное на совести тов. Якира. Видели бы мы “Дьявола” еще в рядах Махно или нет, — эта возможность не исключалась, но “Дьявол” был расстрелян»[795]

Да и могли ли большевики иначе?

В речи Троцкого к агитаторам-большевикам на Украине говорилось:

«Товарищи! То, о чем мы здесь — в России — говорим совершенно открыто, в Украине можно шептать лишь на ушко, а то лучше и совсем не говорить. Умение молчать есть тоже одна из фигур красноречия. Вы, товарищи, отправляетесь на Украину. Помните же, что нет труднее работы агитаторской, как на Украине...

Готовясь ныне к третьему походу на Украину, Совет Народных Комиссаров по примеру прежних лет, в авангарде посылает Вас, товарищи-агитаторы. Совет Народных Комиссаров крепко надеется, что и Вы “не посрамите” земли русской.

Ни для кого не секрет, что не Деникин принудил нас оставить пределы Украины, а грандиозное восстание, которое подняло против нас украинское сытое крестьянство. Коммуну, чрезвычайку, продовольственные отряды, комиссаров-евреев, возненавидел украинский крестьянин до глубины своей души. В нем проснулся спавший сотни лет вольный дух запорожского казачества и гайдамаков. Это страшный дух, который кипит, бурлит, как сам грозный Днепр на своих порогах, и заставляет украинцев творить чудеса храбрости. Это тот самый дух вольности, который давал украинцам нечеловеческую силу в течение сотни лет воевать против своих угнетателей: поляков, русских, татар и турок и одерживать над ними блестящие победы. Только безграничная доверчивость и уступчивость, а также отсутствие сознания необходимости постоянной крепкой спайки всех членов государства не только на время войны — каждый раз губил все завоевания украинцев. Потому они рано утратили свою “самостийность” и живут то под Литвой, то под Польшей, то под Австрией и Россией, составляя собой очень ценную часть этих держав. Эти бытовые особенности характера украинцев необходимо помнить каждому агитатору, и его успех будет обеспечен. Помните также, что так или иначе, а нам необходимо возвратить Украину России. Без Украины нет России. Без украинского угля, железа, руды, хлеба, соли, Черного моря, Россия существовать не может: она задохнется, а с ней и Советская власть и мы с Вами. Идите же на работу, трудную, ответственную работу. Конкретно Ваша задача сводится к следующему:

- 1) Не навязывать украинскому крестьянину коммуны до тех пор, пока наша власть там не окрепнет.
- 2) Осторожно заводить ее в бывших имениях под названием артелей или товариществ.
- 3) Утверждать, что и в России нет коммуны.
- 4) В противовес самостийнику Петлюре и другим говорить, что Россия тоже признает самостийность Украины, но с Советской властью, а Петлюра продает Украину буржуазным государствам.
- 5) Так как нам необходимо обезоружить всех повстанцев, чтобы они снова не обратились против нас, а это обезоруживание вызовет недовольство среди крестьянских масс — то необходимо внушать, что среди повстанцев большинство деникинцев, буржуев и кулаков.
- 6) Труднее дело обстоит с Петлюрой, так как украинское крестьянство только на него и надеется. Нужно быть осторожным. Только дурак или провокатор без разбору везде и всюду будет твердить, что мы воюем с Петлюрой. Иногда, пока совершенно не разбит Деникин,

выгоднее распускать слухи, что Советская власть в союзе с Петлюрой.

7) Если будут случаи грабежей в Красной Армии, то их необходимо сваливать на повстанцев и петлюровцев, которые влились в Красную Армию. Советская власть постепенно расстреляет всех петлюровцев, махновцев и повстанцев потому, что они вредный элемент и это будет явным доказательством не только строгой революционной дисциплины, но и суровой карой за грабежи.

8) Так как правительство России вынуждено вывозить хлеб из Украины, то на вашей обязанности, товарищи, объяснить крестьянам, что хлеб возьмут только с кулаков и не для России, а для бедных украинских крестьян, для рабочих и Красной Армии, которая изгнала Деникина с Украины.

9) Старайтесь, чтобы в Советы и Исполкомы вошли большинство коммунистов и сочувствующих.

10) Принять все меры к тому, чтобы на Всеукраинский Съезд советов не попали такие представители от волости, которые могут примкнуть на съезде к нашим врагам, и таким образом избрать правительство Украины не из коммунистов-большевиков.

Отправляясь ныне на работу в Украину, помните, что вам здесь передавалось, не забудьте этих моих десять заповедей: они во многом Вам помогут, кроме того знайте, что для достижения намеченной цели все средства одинаково хороши. Ни на одну минуту не забывайте, что Украина должна быть нашей, а нашей она будет только тогда, когда будет советской, а Петлюра вышиблен из памяти народа навсегда.

Желаю Вам полного успеха и счастливого пути»[796].

А совершенно секретный приказ войскам 14-й армии от 4-го января 1920 г. за № 01 гласил:

«...Во время продвижения принять все меры к поголовному разоружению населения и уничтожению банд Махно...

г) Начдиву 41, оставаясь в армейском резерве, сосредоточить дивизию к 12 января в районе Орехово – ст. Пологи – Гуляй-Поле.

д) Начдиву латышской к 12 января сосредоточить дивизию в районе: с. Юрьевка – с. Кочерыжки (на р. Самара) – Павлоград – Дмитриевка – Крыштоповка (на р. Б. Терновка).

е) Всем начдивам вести беспощадную борьбу с партизанщиной, строго руководствуясь приказом № 180 Республики и указаниями РВС армии...»[797].

Коммунистический повстанческий отряд Нежданова 30 декабря 1919 г. занял Екатеринослав, неделю находившийся без власти и оставленный борющимися силами: махновцами и белыми.

К вечеру 30-го Красная Армия заняла Бахмут и ст. Синельниково, а 5-го января 1920 г. в 2 часа ночи части 397-го красного полка подошли к Александровску, не вступая в город[798], занятый нашими 1-м и 2-м корпусами. Такое положение было и на Криворожском участке: красные части соприкоснулись с нашими полками группы Милашко, Матяжа, Бибикова и др.

Красное военное командование согласно приказа Троцкого еще от 11 декабря 1919 г. за № 180 (о существовании которого мы и не предполагали) имело директивы на линию поведения по отношению повстанцев вообще и махновцев в частности.

В нашем штабе была встреча с командирами первой бригады 45-й дивизии тт. Левензоном, комиссаром Гениным, комполков Нягу, Липановым и др. красными командирами[799].

В архиве 45-й дивизии сохранилось донесение штабу 14-й армии комдива Якира, излагающее эту обстановку следующим образом:

«...Комбриг 1 тов. Левензон, прибыв в Александровск, отправился к Махно. Его принял комкорпуса Каретник и после длительного разговора заявил “На политические темы мы с вами беседовать не будем. Об этом сговорится наш РВСовет с вашим РВСоветом Республики. Со стратегической стороны мы готовы занять определенный участок, ибо враг у нас один”, — передано почти дословно. В городе расклеен приказ, гласящий, что за грабежи расстреливать на месте, ходят патрули, разъезжают крупные разъезды по 80–100 сабель с черными знаменами. Комбриг спрашивает определенных указаний, каковых спрашиваю и я, причем докладываю: на случай приказа открыть военные действия против корпуса, что 1-я бригада 2-х полкового состава; возможно потребует переброска еще одной бригады, что займет 3–4 суток.

Якир»[800].

Но начдиву 45-й дивизии приказано, никаких переговоров с махновцами не вести[801].

В архиве 45-й дивизии также сохранилась запись разговора начдива 45-й — Якира с командармом 14 — Уборевичем:

«Здравствуй тов. командарм. Выяснил относительно точно численность корпуса Каретника, находящегося в Александровске и непосредственной близости в 15–20 верстном районе: 1 500 – 1 600 сабель и около 6 000 штыков. На правом берегу 3-й корпус — от Никополя до Апостолово; где находится 1-й корпус, неизвестно. Вчера из тактических соображений приказал комбригу вступить в исполнение обязанностей нач. гарнизона и назначить своего коменданта, несмотря на присутствие махновских начгарнизона и коменданта, сделав для того, чтобы показать, что население будет обращаться к нашим. Вчера была устроена манифестация с рабочими, на которой рабочие, даже и меньшевики, приветствовали в лице 1-й бригады регулярную дисциплинированную Красную Армию. На этом митинге махновцам был устроен скандал...»[802].

И примерно 7-го января произошел разговор т. Якира с командармом 14:

«Добрый вечер тов. Якир. У аппарата Уборевич и члены Реввоенсовета. Тов. Сталин только что передал распоряжение Южфронта предложить армии Махно выступить на защиту Советской Республики против поляков в районе Мозыря. Во исполнение этого распоряжения нами будет передан для Махно оперативный приказ.

Мы полагаем, что соответствующее отношение Махно к этому приказу даст нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения. Последнее постарайтесь использовать Вы и будьте добры высказать ваше мнение».

Говорит Якир: «Извиняюсь, из Александровска к телефону меня вызвал комбриг. Только что по телефону говорил с Александровском. Я лично, зная Махно, полагаю, что он ни в коем случае не согласится. Кстати, докладываю, что, в случае отказа, операцией против Махно будет весьма трудно руководить, благодаря отвратительной связи, благодаря перевесу, который будет на его стороне в смысле численности, благодаря подвижности и ускользаемости его банд. Полагал бы необходимым, в случае наличия желания Южфронта использовать живую силу Махно, приезд какого-либо авторитетного лица республики...

Итак, повторяю, вручение одного приказа, вручение без присутствия кого-либо из центра результат даст отрицательный. Сегодня я отправил свой штаб в Екатеринослав; разрешите завтра и мне отбыть туда же. Провод с Харьковом оттуда имею — Якир».

Говорит командарм: «Вы хорошо понимаете, что этот приказ является известным политическим маневром и только; мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его исполнения Махно. Реввоенсовет армии завтра после обеда выезжает на ст. Синельниково и дальше к Александровску. Приказ Вы заранее используйте для агитации, что махновцы должны не только свои хаты защищать, но как и вся рабоче-крестьянская армия бороться на других фронтах. Если этого не пожелают сделать, значит они враги и изменники. Поведение Ваших частей нас весьма радует. Выезжайте в Екатеринослав, чтобы быть поближе к своим частям. Вам будет передан приказ для передачи Махно. Пока до свиданья. Официальные имеем сведения о занятии Бердянска.

Уборевич »[803].

К этому времени измученная тифом, боями, холодами, недостатками, израненная в боях Повстанческая Армия (махновцев), чувствуя на своем фронте отсутствие войск главного противника Деникина, нуждалась в отдыхе и лечении. То крайнее напряжение, в котором армия находилась в течение шести месяцев, занимая обширную территорию в тылу противника, сменилось чувством выполненного долга, неизвестности в завтрашнем дне, нежелания проливать кровь, свою и чужую. И армия пошла по домам. Днем и, особенно, ночью, по всем дорогам, группами и в одиночку, усталые и больные, с оружием и без него, расходились по домам махновцы.

В то же время, ранее процветавшая тенденция заключения с Совправительством договора, ныне рушилась под враждебным, агрессивным настроением компартии, с одной стороны, и штабом махновцев с другой.

Как мы знаем, махновское ядро с июня 1919 г. было на положении войны с компартией. Оно и в настоящий момент начало агитировать за сохранение своей независимости и за «Вольный Советский Строй». Сильно было стремление укрепиться в Мариупольском, Бердянском, Мелитопольском, Александровском, Екатеринославском, Павлоградском и Бахмутском уездах.

Но армия не поддержала такую идею в связи с усталостью, тифом, из-за нежелания кровопролития. РВСовет махновской рассчитывал на взаимную гуманность и понимание идей, конечная цель которых одна и та же — коммунистическое общество. Поэтому военных действий при встрече с Красной Армией не планировалось, хотя газета «Путь к Свободе» писала:

«...Красная большевистская армия начала обратное движение с севера на юг и, быть может, в недалеком будущем мы столкнемся лицом к лицу с этой армией. Какова будет наша встреча с ней? Сможем ли мы в достаточной степени противодействовать наглым и безответственно-диктаторским сторонам большевизма? Это будет зависеть от того, насколько мы, как военная сила, распространимся по всей Украине и сможем опереться на общукраинский орган, выделенный трудящимися всей Украины...»[804].

При встрече часть повстанцев вливалась в Красную Армию и продолжали гнать белых, а остальные колебались. Все же и эта половина считала себя «примиренцами» и стремилась домой.

Вдруг, от начдива Красной 8-го января 1920 г. в Александровске РВСовету махновской вручают приказ командования 14-й армии:

«...согласно полученным указаниям центра, РВС 14-й армии приказывает начальнику всех вооруженных отрядов Махно немедленно по получении сего приказа выступить со всеми вооруженными силами по маршруту: Александрия – Черкассы – Бровары – Чернигов – Гомель, где сосредоточившись поступить в распоряжение РВС 12-й армии. О получении приказа и отданных распоряжениях донести к 12 час. 9 января.

Вручение этого приказа возлагается на начдива 45, коему об исполнении донести»[805].

В результате горячих споров в самом штабе и Совете, было выдвинуто контрпредложение — подписание военного договора и предоставление независимости — Екатеринославской и Таврической губерниям.

Развивая такую идею с Александровской трибуны, анархо-культурники вели пропаганду среди красных полков, критикуя Советскую власть. Батальон китайцев переходит на сторону штаба, в войсках началось братание.

В то же время Екатеринославский губком по просьбе идейных анархистов принял решение от 9 января 1920 г. В нем говорилось:

«...По вопросу об анархистах, прознав о том, что если их просьба об издании газеты “Набат” будет удовлетворена, то это приведет к усилению агитации против Советской

власти, но принимая во внимание “нежелательность их ухода в подполье”... допустить выход одного номера»[806].

События развивались весьма спешно и уже 9-го января на 12 часов в директиве армиям Южного фронта приказывалось:

«...Эстонской, 9 стрелковой и 11 кавалерийской дивизиям перейти в резерв фронта и расположиться: первой — в районе Александровска, второй — в районе Матвеев Курган – ст. Кутейниково и третьей — в районе Екатеринослава...

Всем армиям принять самые энергичные меры по борьбе с партизанщиной и бандитизмом»[807].

То есть дислоцироваться в махновском крае с целью окружения и ликвидации повстанчества.

К этому времени родилось или было заготовлено заранее:

«Постановление Всеукраинского Революционного Комитета.

...Военное командование, всячески стремясь к единению всех боевых сил против общего врага трудового народа — помещиков и капиталистов, предложило махновцам выступить против поляков и тем поддержать Красную Армию и освободить наши села и города от ига польских помещиков, а рабочих — от рабства капиталистов.

Но Махно не подчинился воле Красной Армии, отказался выступить против поляков, объявив войну нашей освободительнице — Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Таким образом, Махно и его группа продали украинский народ польским панам, подобно Григорьеву, Петлюре и другим предателям украинского народа.

Поэтому Всеукраинский Революционный Комитет постановляет: 1. Махно со своей группой объявляются вне закона, как дезертиры и предатели, 2. Все поддерживающие и укрывающие этих изменников • украинского народа будут беспощадно истреблены. 3. Трудовое население Украины обязуется всячески поддерживать Красную Армию в деле уничтожения предателей махновцев.

Настоящее постановление все ревкомы Украины обязуются прочесть на фабриках, заводах, шахтах и собраниях.

Всеукраинский революционный комитет:

Председатель Г. И. Петровский

Члены: Д. З. Мануильский, Затонский, Г. Ф. Гринько, Качинский.

1920 г., 9 января, г. Харьков»[808].

10-го января было опубликовано «Обращение Всеукраинского Революционного Комитета к партизанам и повстанцам Украины с призывами вступить в ряды Красной Армии».

«...Идите в ряды победоносной Красной Армии! В ее рядах, под предводительством ее вождей добивайте врага. Те же, кто малодушен, кто не решается добровольно подчинить себя революционной дисциплине, кто устал, пусть те разойдутся по домам и сдадут оружие Красной Армии, которая еще не устала сражаться.

Или в Красную Армию, или по домам, на отдых!

...Махно из-за личных обид или выгод изменил революции и обнажил фронт на радость Деникину. Если бы Махно и Григорьев не изменили Красной Армии, если бы не предали ее в самую трудную минуту, то Деникину не прорваться бы на Украину и не вернуть старых порядков и офицерской плети...»[809].

Более-менее правдиво описана ситуация и методы борьбы красного командования с повстанцами комбригом 145-й дивизии т. Левензоном:

«По замыслу командования Александровен должен был быть окружен, и Махно нужно было запереть в городе. Вместе с нами должны были действовать части 41 дивизии, задачей которых было запереть выход из города.

Я поехал для установления связи в 41 дивизию. С комдивом тов. Зомбергом и комиссаром дивизии тов. Ивановым мы встретились на одном из полустанков, не доезжая Александровска. После короткого совещания, на котором наметили план действий, мы устроили митинг в одном из полков 41 дивизии. Я заверил красноармейцев, что 133 бригада выполнит свой долг перед республикой и выразил уверенность, что и они останутся верными ей. Должен сознаться, что уехал я с тяжелым настроением. Части 41 дивизии не сумели, подобно нашей дивизии использовать передышку для укрепления своих рядов, не было у них и тех традиций, что у 45-й, были они, видно, значительно слабее и кадрами. А ко всему этому следует добавить и малочисленность частей, чрезвычайную усталость и наличие в ее рядах бывших махновцев из ближайших районов. Все это дало свои результаты в проведении самой операции...

Утром ко мне на квартиру явился один из виднейших агентов махновской ставки, начальник контрразведки, палач, бывший уголовный преступник Лёвка. Мы с комиссаром бригады имели с ним разговор, не давший ему повода заподозрить, что мы что-то готовим против них.

Мы условливались даже, что ответ на приказ командования о выступлении махновской армии на польский фронт он должен вручить командиру, который придет нам на смену. И все это было в тоне, не внушавшем никаких подозрений...

Жуткая была ночь... Непролазная грязь, темень... Из города продолжают уходить группы махновцев, а кадры их, как голодные волки зимою, ходят, бродят в районе расположения батальона.

Задача батальона была нелегкая. Он должен был вести бой в городе тогда, когда мы будем прижимать остальные махновские части к городу с севера, а 41-я запирает им выход на юг. На нем лежали и задачи парализовать и прикончить махновский штаб. Люди были об этом предупреждены и шли на это рискованное предприятие спокойно и хладнокровно. Я был в батальоне уже по выходе всех других частей.

...Работа в городе продолжалась. Уже был набран и расклеивался приказ-воззвание к махновцам. В нем говорилось о предложении Советского командования Махно отправиться на польский фронт и об его отказе выполнить этот приказ.

Приказ кончался призывом к партизанам вступать в ряды Красной Армии, а Махно и, кто будет с ним, объявлялись изменниками революции, против которых будут приняты самые суровые меры...

Уже с ночи на участке с севера от Александровска началось. Тихо и спокойно, ничего не подозревая, спали махновцы в Павлово-Кичкасе. Бодрствовали лишь часовые, охранявшие пулеметную команду и артиллерийскую батарею. Тихо, бесшумно, разбившись на группы, кавалеристы из дивизиона тов. Нягу сняли часовых и обезоружили махновские отряды в двух-трех ближайших селах. Светало уже, когда пехотные части пошли в наступление. Закончив с разоружением, мы с кавдивизионом двинулись на город...

По шоссе, ведущему на Александровск, движется большая колонна махновцев; кавалеристов человек полтора и пулеметных тачанок (1 пулеметный полк батьки Махно) около 60. Прислуги было меньше, чем пулеметов. Мы готовимся их встретить. Наши пулеметы располагаются так, чтобы весь отряд попал в огневую засаду, а в тыл махновцев выходит повернутый для этого 397 полк.

Мы загородили им дорогу и предложили сдать оружие. Махновцы крайне удивлены... Они только откуда-то прибыли, не знали всего, что творится в городе...

Долго рассказывать, хотя длилось это минуты. Надо было видеть как взрослые, выдавшие виды люди, плакали как дети. Они не ждали такого конца... Как сейчас помню рослого, молодого кубанца. Он выхватил из кобуры револьвер и сказал: "Вот что, товарищ командир, либо сам пушу себе пулю, и тогда возьмешь коня, либо ты пусти, а живым коня и шашку не дам...".

"Нет у нас таких разговоров, чтобы не вступать в Красную Армию, мы все, как один пойдем в ряды Красной Армии и батьку заставим, а коли не захочет, не батько он нам, голову свернем", — взволнованно говорил другой.

И весь отряд, как один человек, твердили то же.

Отрядом командовал коммунист. Я с ним переговорил, и он заверил меня, что не может быть никаких сомнений в искренности отряда.

Я поверил, разрешив отряду двинуться в город.

Мы шли по пятам, и я рассчитывал, что пробка, которую должны были организовать части 41 дивизии, не даст проскочить этому отряду, а его настроение может ускорить развязку...

Я до сих пор уверен, что махновцы не хитрили. Нет, они были искренны, но, войдя в Александровск, они стихийно потянулись за своими частями, не застав их в городе...

В городе обстановка сложилась хуже, чем мы предполагали. 41 дивизия не проявила нужной энергии, и махновцам удалось проскользнуть на юг, в родные края...»[810].

Из Александровска в Гуляйполе Нестора Махно везли уже в тифозном бреду.

10-го января штаб занял Гуляйполе и готовился к обороне от нападения красных. Но усталость, апатия и тиф продолжали косить полки.

11-го января в Гуляйполе состоялось общее собрание комсостава, штаба и реввоенсовета.

Было решено: предоставить повстанцам месячный отпуск, усилить формирование новых частей и стремиться с Совправительством заключить военный союз для дальнейшей борьбы с белогвардейцами и Польшей, отстаивая независимость Таврии и Екатеринославщины. 1-й корпус разошелся по домам в Гуляйпольском районе, а 2-й ушел в Мариупольский и Бердянский уезды.

Все наши бронепоезда и артснабжение находилось в Хортице, лишенное всякой возможности перейти Кичкасский мост, или двинуться на Апостолово, где также был взорван Чертомлыцкий мост. Махно, уходя из Александровска, оставил эти боевые единицы на произвол, красные части взяли их себе.

10 января начальник артснабжения Данилов докладывал:

«В Хортице красные захватили шесть бронепоездов, 2 состава снарядов и расстреляли прислугу. Лонцову[811] удалось выхватить бронепоезд и три состава снарядов, с которыми прибыли сюда. Что нам делать?»

Вскоре в Никополь уже вошли красные войска, разоружая больных махновцев. Им достался бронепоезд Лонцова и три состава снарядов, без какого бы то ни было сопротивления. В самом городе находилось пятнадцать с лишним тысяч тифозных повстанцев. Красные назначили своего коменданта, какого-то П. Лебеду, который со своей командой разогнал нашу контрразведку и обезоружил больных. Наши командиры подвергались расстрелу, будь они больные или здоровые. Такое положение заставило нас бежать из города. Со мной была группа в семь человек (я, врач, Петренко, Данилов, Лонцов и два матроса), 12 января мы из Никополя отправились в Гуляйполе.

Проезжая селения: Знаменку, Днепровку, Балки, Попово, Копани, Вербовое, Петропавловку и Пологи я видел проходившие красные части на Крым. Они производили чистку махновщины, обезоруживая группы больных повстанцев, расстреливая командиров. Было жутко смотреть эту кровавую картину и хотелось кричать: «Остановитесь, безрассудные! Махновцы с вами!».

Нас укрывали крестьяне, и мы 19 января добрались благополучно до Гуляйполя.

Здесь стоял штаб. Махно болел тифом и уехал с охраной (15 чел.) в Дибривки. Положение было аховское, ибо армия окончательно парализована и разбрелась по домам. Штаб оставался без прикрытия. Реввоенсовет тоже разъехался по домам, а частью попал в плен красным. Культпросвета уже не существовало. В общем, махновщина как военная сила, окончательно прекратила свое существование.

В оперативном приказе 13 армии № 014 от 23 января 1920 года говорилось:

«...По данным политразведки в селе Гуляй-Поле стоит штаб Махно, располагающий около 1 000 штыков при 12 орудиях. Главные силы Махно разошлись по домам... Сам Махно в Гуляй-Поле и по сведениям болен или умер. Среди главарей из штаба Махно полная растерянность. Для ликвидации в кратчайший срок штаба и банд Махно начдивам 42-й и Эстонской приказываю самым энергичным образом очистить район Гуляй-Поле, разоружить банды. Всех захваченных махновцев препроводить в гор. Александровск. Приказываю: а) 42-й дивизии охватить район Гуляй-Поля с севера и востока, б) Эстонской дивизии — с юга и запада...»[812].

А 26 января командование Эстонской дивизии сообщило командующим 13-й армией и Юго-Западным фронтом: «... По пути наступления и следования Эстонской дивизии, ни одного махновского отряда не было оставлено, а были ликвидированы сразу же... 1-я Эстбригада до Орехова имеет сто пятьдесят пленных махновцев, в том числе один командир полка...»[813]

Среди пленных был родной брат Махно — Григорий[814] и А. Лепетченко, которые тут же были расстреляны.

Штаб ушел в подполье, а я уехал в Новоспасовку.

На ст. Цареконстантиновка мне встретился разведчик Миша, которого в начале декабря я посылал в Москву для информации о наших успехах в тылу Деникина. В настоящее время он был разведчиком штаба 13-й армии. Он отдал мне собственный мандат, с которым свободно можно было передвигаться по всей советской стране. И сообщил о приказе Реввоенсовета о ликвидации повстанчества.

— Скажи, Миша, зачем расстреливают повстанцев? Ведь они примирились с Советской властью, — спросил я у него.

— Это имеет свою историю. Вот на, почитай, и сам убедишься, — ответил он, протягивая мне приказ предреввоенсовета Л. Троцкого. — Кроме того, 9-го января Украинское правительство махновщину объявило вне закона. Поэтому войсковые части имеют приказ. Есть, правда, постановление ВЦИК об отмене расстрелов, но это, наверное, не для повстанцев. Я тебе там дал, на досуге почитаешь.

Мы расстались. В Новоспасовке я нашел штаб 2-го Азовского корпуса разгромленным. Некоторые командиры были уже расстреляны, а другие бежали в подполье.

Что такое красный террор? Ошибка или орудие пролетарской защиты, вызванное обстоятельствами военного времени? — думал я, скрываясь на хуторе от преследования красных карательных отрядов. Чем это вызвано против махновщины, которая, в силу классовых идеологических противоречий, без вооруженной борьбы разложилась навсегда и перешла на сторону Советской власти? Мне не давал покоя приказ Троцкого!

«Приказ Реввоенсовета Республики о мерах по борьбе с партизанщиной в Красной Армии. 11 декабря 1919 г. г. Москва № 180 Секретно

Армии Южфронта все больше входят в область украинского партизанства. Практическая политика в отношении партизанства и добровольчества получает огромное значение: от нее зависит не только наша победа над Деникиным, но и вся дальнейшая судьба советского режима на Украине. Необходимо немедленно же принять ряд мер, которые исключили бы возможность повторения тех явлений, которые погубили Советскую Украину в прошлый раз.

1. Необходимо прежде всего обезопасить красные полки, продвигающиеся по Украине, от заражения партизанством и махновщиной. С этой целью: а) вести широкую устную и печатную агитацию, выясняющую преимущества правильной армии над повстанческими отрядами, используя примеры прошлого для выяснения предательской роли махновцев и махновщины; б) очищать вступающие на Украину части от недисциплинированных и склонных к партизанству комиссаров, командиров и членов коммунистических ячеек; в) принимать все необходимые меры к тому, чтобы красноармейцы украинского происхождения не имели возможности уходить из частей в свои села, тем более с оружием; г) поднять вообще дисциплину в частях, ведя суровую борьбу со всеми проявлениями бандитизма и произвола.

2. Категорически воспретить командирам и комиссарам действующих частей принимать непосредственно в состав последних добровольцев одиночками или группами. Все добровольцы должны отправиться в тыл и включаться в состав запасных частей армии или флота. За нарушение этого приказа комиссары и командиры должны привлекаться к суровой ответственности.

3. Особому отделу совместно с политотделом выслать вперед в район действия повстанцев значительное число своих агентов из надежных, преданных и тактичных работников. Этим товарищам войти в состав партизанских отрядов для того, чтобы изнутри ознакомиться всесторонне с характером каждого отряда и взаимоотношением в нем отдельных групп и лиц. Этим агентам со всей необходимой осторожностью вести в партизанском отряде агитацию, поясняющую преимущества регулярных частей над отрядом.

4. Принять за твердое правило, что партизанский отряд перестает быть боевой частью после того, как он оказывается по сю сторону линии неприятельского фронта и входит в непосредственное соприкосновение с нашими частями. С этого момента он становится только материалом для переработки, с каковой целью отводится в наш тыл и передается Управлению формирований (негодные элементы изгоняются, командный состав обновляется, вводится необходимое число коммунистов, обучение производится с необходимой энергией).

Отдельным, наиболее боевым отрядам может быть предоставлено право снова проникнуть в тыл противника.

Ни в каком случае партизанским отрядам как таковым не может быть предоставлено право сражаться в частях Красной Армии.

5. Отношение наших командиров и комиссаров к партизанским отрядам должно сочетать в себе непреклонную твердость с величайшим тактом: а) Для полного подчинения себе отрядов необходимо опираться на заранее посланных в состав отрядов агентов (пункт 3), а также на лучшие элементы, которые этими агентами будут вокруг себя объединены. б) С момента нашего соприкосновения с отрядом агитация за подчинение его регулярной системе должна сразу принять широкий характер. в) Никакого снабжения до полного подчинения нашему командованию партизанский отряд не должен получать. г) Наиболее заслуженные и дисциплинированные партизаны могут и должны быть награждены боевыми подарками, а также и орденом Красного Знамени. д) Негодные элементы должны исключаться из части, переводиться в штрафные роты, в тыловое ополчение или передаваться в руки военных трибуналов.

6. В том случае, когда пришедший с нами в соприкосновение партизанский отряд отказывается подчиниться порядку, проявляет разнузданность и своеволие, грабит местное население или пытается поднять смуту в регулярных частях, этот отряд должен быть подвергнут беспощадной каре. Наше ответственное командование должно в таком случае строго и точно рассчитать удар. Причины расправы должны быть ясны и понятны каждому крестьянину, рабочему и красноармейцу. Соответственный приказ разъяснительного характера должен быть заранее своевременно отпечатан в соответственном количестве экземпляров. Для учинения расправы должны быть назначены вполне и безусловно надежные части. Разоружение, следствие и расправа должны совершаться в кратчайший срок, по возможности не больше 24 часов. Самой строгой каре подвергать командный состав и кулацкие верхи отряда.

7. Ввиду того, что партизанские отряды на Украине легко возникают и исчезают, растворяясь в массе вооруженного крестьянского населения, основным условием успеха борьбы с партизанством является безусловное и поголовное разоружение деревенского населения. Эта работа, имеющая огромное значение, должна проводиться со строгой планомерностью. Каждая армия обязуется в районе своих действий обезоружить население при помощи всех средств, какие имеются в ее распоряжении (агитация, агентурная разведка, оплата сдаваемого оружия деньгами и натурой, повальные обыски, штрафы деньгами и натурой, круговая порука, система заложников, расстрел виновников и проч.)...

Командиры и комиссары отдельных частей, руководствуясь заботой о наиболее быстром пополнении своих рядов, нередко склонны нарушать запреты, подобные настоящему. В то же время, толкаемые законным боевым самолюбием вперед, они слишком часто не принимают необходимых мер по обеспечению тыла. Наблюдение за фактическим и неуклонным проведением указанных здесь мер возлагается поэтому целиком на высшие органы фронтового и армейского управления. Руководясь соответственными указаниями

правительства, Реввоенсовет Республики приказывает занимать территорию лишь в тех случаях и тех пределах, когда имеется достаточная сила для того, чтобы очистить эту территорию от всех проявлений анархии и бандитизма и обеспечить на ней твердую Советскую власть и правильную военную организацию.

Весь командный и комиссарский состав фронта должен проникнуться пониманием того, что только выполнением настоящего приказа могут быть обеспечены высшие интересы Советской республики, и что поэтому нарушение указанных здесь директив, как тягчайшее государственное преступление, будет караться по законам военного времени»[815].

Так гласил приказ № 180, а Красные Армии ревностно его исполняли.

Еще 4-го января 1920 г. в Москве был выработан проект директив о военной политике на Украине.

22-го января директивы были одобрены Всеукраревкомом и провозглашены как собственная декларация Украинского Советского правительства.

В ней, в частности, еще до соприкосновения красных войск с повстанцами, определилась политика не на привлечение повстанческих революционных сил к борьбе с белыми, а на полное, безоговорочное уничтожение повстанчества. Так что приказ махновцам пойти на польский фронт был всего лишь хитрый ход, который должен был создать видимость для давно разработанного плана ликвидации сопротивления на Украине.

Эта декларация говорит сама за себя:

«...Ликвидация профессионального украинского партизанства является не только предварительным условием создания боеспособности Украинской армии, но и вопросом жизни и смерти для Украины. Действующим на украинской территории воинским частям строжайше воспрещено принимать в свой состав партизанские отряды и даже отдельных "добровольцев". Партизаны должны немедленно отправляться или подвергаться внутренней чистке, лучшие элементы должны включаться в запасные части, бандитские элементы предаваться трибуналу.

Нарушение этого приказа, отданного Реввоенсоветом Республики, должно повлечь самые строгие, суровые меры в отношении тех командиров, которые позволяют своим частям разбухать за счет притока партизан и добровольцев.

В области, занятой Красной Армией, не должно оставаться ни одной регулярной части. Все партизанские отряды должны быть немедленно разоружены, сопротивляющиеся должны быть истреблены. Необходимо эту работу дополнить мирной агитацией в крестьянских массах, выясняя на их собственном опыте всю пагубность профессионального партизанства и бандитизма и устраняя тем какие бы то ни было подозрения относительно того, будто борьба с этим злом диктуется какими бы то ни было другими соображениями, кроме заботы о спасении и упрочении независимости Советской Украины...

Работа должна вестись не наспех, по строго продуманному плану, [с] законченным охватом отдельных секторов, с применением облав, выдачей премий за указание скрытого оружия и беспощадных расправ с укрывателями...

Непременным условием осуществления этой цели является выдержка, настойчивость и беспощадное отвержение всяких компромиссов и сделок с партизанами и партизанщиной. Всякие попытки какой-либо политической группы на Украине опереться на повстанческие отряды как таковые или положить их в основу формирования особой армии должны клеймиться, как военное предательство и измена делу Социалистической Украинской Республики. Виновные в таких попытках должны предаваться трибуналу для осуждения по законам военного времени, независимо от своих прошлых заслуг...

Председатель Всеукраинского революционного комитета

Петровский

Члены Ревкома Затонский,

Мануильский, Гринько, Телецкий»[816].

Из многотысячной армии повстанцев-махновцев, разбросанных по Украине более 35-ти тысяч бойцов[817] (по утверждениям большевиков) влились в ряды Красной Армии; а остальные разошлись по домам, ушли в подполье только потому, что терроризировались. Население, уставшее бороться, пыталось добровольно сдавать оружие красному командованию. Но, когда подвергались расстрелу и те, кто сдавал добровольно, крестьяне разуверились и поглубже прятали оружие в своих тайниках. В это же время вышло постановление:

Постановление ВЦИК и Совета Народных Комиссаров «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрелы)»

17 января 1920 г.

«...Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают ныне возможность рабоче-крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания то есть расстрелов, по отношению к врагам Советской власти...

Исходя из вышеизложенного, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляет: отменить применение высшей меры наказания (расстрелы) как по приговорам Всероссийской Чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов.

Означенное постановление ввести в действие по телеграфу»[818].

